

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РУССКО-АРАБСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЖЕНСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ИППО¹

Екатерина Викторовна Смирнова

Лаборант-исследователь
Центра исследования общих проблем современного Востока
Института востоковедения РАН
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
ekaterinasmirnova84@gmail.com

Для цитирования: *Смирнова В. С.* Некоторые аспекты русско-арабского сотрудничества в женских учебных заведениях ИППО // Церковный историк. 2023. № 2 (12). С. 141–189. DOI: 10.31802/СН.2023.2.12.011

Аннотация

УДК 27-764

В статье на основе архивных материалов и других источников рассматривается проблема профессионального взаимодействия русских и арабских учителей в женских школах и семинарии ИППО. Изучение принципов, на которых базировалось русско-арабское сотрудничество, необходимо для успешной реализации гуманитарных проектов России на Ближнем Востоке. В начале просветительской деятельности в Палестине ИППО испытывало трудности с подбором русских и арабских педагогических кадров. Русские учительницы не знали арабского языка и ближневосточных реалий. Переводчиков при них не было, и им приходилось объясняться с местным населением жестами. Чтобы организовать учебный процесс, им в помощь были направлены арабские выпускницы местных школ. Они владели французским языком, посредством которого общались с русскими педагогами. Помимо коммуникативных проблем, взаимодействие осложнялось слабой подготовкой арабских учительниц, с трудом осваивавших новые учебно-воспитательные методы. Ситуация изменилась с появлением Бейт-Джалского пансиона, который готовил кадры для начальных женских школ Общества. Это были местные девушки, воспитанные по российским методикам, владеющие русским языком. «Бейтджалиотки» преподавали

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41006 на 2019–2021 годы.

в Пансионе, а также в двухклассных школах ИППО под русским руководством. Они выступали связующим звеном между русскими учительницами, их арабскими учениками и коллегами, помогая последним интегрироваться в учебную систему Общества. Подобная модель русско-арабского взаимодействия была принята в большинстве двухклассных женских школ ИППО, что позволило решить коммуникативные проблемы и достичь высоких профессиональных результатов.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское общество, женские школы в Сирии и Палестине, Бейт-Джалский пансион, русско-арабское взаимодействие.

Some aspects of Russian-Arab collaboration in IOPS female educational institutions²

Ekaterina V. Smirnova

Assistant researcher in Center for Study of Common Problems of Contemporary East of the Institute of Oriental Studies of RAS
107031, Moscow, Rozhdestvenka st., 12.
ekaterinasmirnova84@gmail.com

For citation: Smirnova, Ekaterina V. «Some aspects of Russian-Arab collaboration in IOPS female educational institutions» // *Church Historian*, № 2 (12), 2023, pp. 141–189 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2023.2.12.011

Abstract. Having carefully studied archival materials the author of the article gives insight into collaboration of Russian and Arab teachers in IOPS schools and seminary for girls. Thorough research of those principals is vitally important for successful implementation of Russia humanitarian projects in the Middle East. At the very start of its educational activities IOPS faced serious problems in recruiting both Russian and Arab pedagogical staff. Russian female teachers did not speak Arabic and were not aware of local or Middle East realities. They had no interpreters by their side so they had to resort to the language of gestures. To organize the learning process Arab graduates from local schools were recruited to assist Russian female teachers. Both Russian and Arab teachers spoke French. In addition to communicative problems professional collaboration was seriously affected due to low level of Arab teachers training. They could hardly master tutorial methods. The situation radically changed when The Women's Teachers Boarding School in Bait Jala started training staff for IOPS primary schools for girls. Bait Jala graduates were local girls who spoke Russian and were aware of training methods applied in IOPS schools. They worked under Russian management in Bait Jala Boarding School as well as in two-class IOPS schools. Graduates from Bait Jala turned to be the connecting link between Russian teachers and their Arab colleagues and pupils assisting the latter to integrate into IOPS training structure. Similar pattern of Russian-Arab professional collaboration was adopted in most IOPS two-class schools for girls which resulted in achieving good training results and settling communicative problems.

2 The reported study was funded by RFBR according to the research project number 19-09-41006 for 2019–2021.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society, Russian schools in the Middle East, Bait Jala Women's Teachers Boarding School, Russian-Arab interaction.

В последние десятилетия тема взаимоотношений России с арабскими странами в различных ее аспектах приобрела большую актуальность. Особым вниманием исследователей пользуется период конца XIX — начала XX в., когда русско-арабские гуманитарные связи стали активно развиваться. Катализатором этого процесса послужила просветительская деятельность ИППО, создавшего сеть учебных заведений на Ближнем Востоке. Школы и учительские семинарии Православного Палестинского общества стали полем, где впервые широко осуществлялось русско-арабское профессиональное взаимодействие.

В настоящее время в России и в арабских странах усиливается интерес к взаимному культурно-образовательному обмену. Этот вопрос актуален и для православного населения Ближнего Востока, которое помнит школы ИППО, а православные жители Ливана ждут возвращения Палестинского общества на их родину, как старейшую российскую благотворительную и научную организацию³. Опыт русско-арабского сотрудничества, приобретенный в учебных заведениях ИППО, а также принципы, которые лежали в его основе, следует учитывать при реализации российских гуманитарных проектов на Ближнем Востоке. Несмотря на практическую значимость, тема профессиональных взаимоотношений между русскими и арабами в школах Палестинского общества детально не исследовалась. Между тем изучение русско-арабского взаимодействия позволит ответить на следующие вопросы: каким образом происходило обучение в школах ИППО, какова роль русских и арабских педагогов в этом процессе, а также какие факторы влияли на его эффективность. Цель данного исследования заключается в том, чтобы представить целостную картину русско-арабского профессионального взаимодействия в женских школах и семинарии ИППО, (определив основные его модели), а также проследить его развитие с течением времени.

Основными источниками для данного исследования послужили материалы фонда РИППО Архива внешней политики Российской империи, (большая часть которых вводится в научный оборот впервые), Сообщения Императорского Православного Палестинского общества, отчеты по школам Н. М. Аничкова, А. А. Дмитриевского и Н. В. Кохманского. Среди документов АВПРИ особое место занимают письма и отчеты русских учительниц, служивших в школах ИППО. Письма, которые

3 См. *Кфури Искандер. Русские школы Ливана / Русские в Ливане. Бейрут, 2010. С. 25.*

наши соотечественницы отправляли руководству Общества, содержат информацию об условиях их пребывания на Востоке, трудностях и успехах школьного дела, проблемах в общении с арабскими коллегами и учениками, а также дружеских отношениях, которые между ними складывались. Русские учительницы, поступавшие на службу ИППО, были движимы высокими целями. Они стремились послужить интересам православия, Палестинского общества, содействовать просвещению единоверцев на Востоке, оказать материальную помощь своим семьям.

В этих письмах, написанных ярким выразительным языком, отражается отношение русских учительниц к местным реалиям и людям, с которыми им приходилось общаться. В связи с этим описание ближневосточной среды, местных обычаев, характеристики людей, не всегда предстают вполне объективными. На восприятие палестинских и сирийских реалий влияла способность учительниц адаптироваться к окружающей обстановке, языку, а также эмоциональное состояние, которое в сложных бытовых и коммуникативных условиях не всегда оставалось стабильным. Этот факт необходимо учитывать при анализе материалов. Вместе с тем отчеты по школам нередко составлялись в произвольной форме, что не позволяет проследить изменения в штате арабских педагогов, распределении учебных часов и дисциплин между русскими и арабскими учительницами.

Следующую группу архивных материалов составляют отчеты школьных инспекторов ИППО. Отчеты содержат информацию о составе учителей и учеников в той или иной женской школе, взаимоотношениях в коллективе, организации учебного процесса и его результатах. Отчеты инспекторов, а также начальниц Бейт-Джалльской женской учительской семинарии периодически издавались на страницах «Сообщений» ИППО. В отличие от подобных материалов, отложившихся в фонде РИППО, в «Сообщениях...» публиковались только избранные отчеты, в которых, как правило, отражались позитивные аспекты школьного дела и его развития.

К третьей группе источников относятся отчеты деятелей Православного Палестинского общества, которые отправлялись на Ближний Восток для того, чтобы проинспектировать школы. Эти отчеты отличаются от материалов, регулярно отправлявшихся школьными инспекторами в Совет Общества, не только по объему, но и по содержанию. В отличие от школьных инспекторов, которые постоянно находились на Ближнем Востоке и знали местное школьное дело изнутри, члены Совета ИППО получали информацию о школах в основном из писем и отчетов,

поступавших в Петербург. Оказавшись на Востоке, который был для них совершенно новой культурной средой, они смотрели на учебные заведения и местных жителей под другим углом зрения, нежели их соотечественники, долгое время служившие там. Несмотря на то, что прибывшие из Петербурга ревизоры не успевали за время командировки досконально изучить интересующий их предмет, они имели возможность познакомиться со всеми школами ИППО в Сирии и Палестине и представить относительно целостную картину состояния школьного дела в тот или иной период. Отдельно следует упомянуть о воспоминаниях К. В. Оде-Васильевой — советского профессора палестинского происхождения, которая училась в школе и в учительской семинарии Православного Палестинского общества.

Помимо вышеупомянутых источников, автор статьи обращался к исследованиям отечественных и зарубежных историков, посвященным просветительской деятельности ИППО, русским школам и инспекциям в Сирии и Палестине, их сотрудникам, дипломатам и государственным деятелям, сыгравшим большую роль в сохранении и развитии русского школьного дела на Ближнем Востоке. В связи с этим следует упомянуть работы Р. Б. Бутовой⁴, А. Г. Грушевого⁵, Н. А. Лагузовой⁶, Н. Н. Лисовой⁷, П. В. Федотова⁸, Д. Хопвуда⁹, Х. Килдани¹⁰.

Одной из приоритетных задач Императорского Православного Палестинского общества, зафиксированных в его уставе, было просвещение

- 4 *Бутова Р. Б.* Школа Е. Ф. Бодровой. К 150-летию русского учебного дела в Святой земле. URL: <https://www.ippo.ru/old/history/school/s/1/index.html>. (Дата обращения: 20.10.2021).
- 5 *Грушевой А. Г.* Из истории русских школ на Ближнем Востоке: архивные материалы и статья. СПб., 2016; *Грушевой А. Г.* Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22) С. 258–331.
- 6 *Лагузова Н. А.* Школьная деятельность Императорского православного палестинского общества в 1905–1914 гг. // Иерусалимский семинар. Вып. 3. М., 2012. С. 121–158.
- 7 *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX века. М., 2006.
- 8 *Федотов П. В.* Кадровая политика Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке (1882–1914 гг.): Русские сотрудники учебных заведений // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2015. С. 102–108; *Федотов П. В.* Русские сотрудники учебных заведений Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 174–190.
- 9 *Hopwood, Derek.* The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Clarendon Press Oxford 1969.
- 10 *Kildani, Hanna.* Modern Christianity in the Holy Land/ Translated by George Musleh. Bloomington. 2010.

православного арабского населения путем устройства учебных заведений в Палестине, а позднее и в Сирии. В условиях активной католической и протестантской пропаганды на Ближнем Востоке Россия стремилась поддержать местные православные Церкви и оградить их паству от иноверного влияния. Особую роль в этом процессе предстояло играть женским школам, в которых арабские девочки (будущие матери и хранительницы домашнего очага), получали бы начальное образование, религиозно просвещались и воспитывались в духе Православия.

Учебные заведения ИППО включали мужскую и женскую учительские семинарии, полные и неполные двухклассные и одноклассные мужские и женские школы, а также одноклассные смешанные школы. В учительских семинариях, а также в двухклассных женских школах вместе работали русские и арабские учителя, деятельность которых контролировалась инспекторами ИППО. От эффективности русско-арабского профессионального взаимодействия зависело качество образования арабских воспитанников. На протяжении истории школьной деятельности Православного Палестинского общества это взаимодействие развивалось и трансформировалось, приобретая отличительные черты в зависимости от типа учебного заведения, его географического положения и педагогического состава.

Первые женские школы ИППО в Палестине и их учителя

В начале просветительской деятельности Православного Палестинского общества остро встали кадровые вопросы. Большинство русских учителей, отправлявшихся на Ближний Восток, не имело востоковедческого образования, плохо представляло себе ближневосточные реалии и специфику местного менталитета. В то же время среди православных арабов Палестины трудно было найти хороших учителей, поскольку уровень образования у местного христианского населения оставался низким. Тщательного подбора учителей в этот период не могло быть, т. к. финансирование Общества было весьма скромным, к тому же подходящих кадров было мало. Важно учесть и то, что русским языком арабские учителя не владели, а переводчиков в школах ИППО не было. В связи с этим возникает вопрос, как в подобной ситуации на Ближнем Востоке были созданы русские школы, осуществлялся и контролировался учебный процесс?

Для того чтобы организовать первые мужские школы Общества, в Палестину был направлен Александр Гаврилович Кезма. Он был православным сирийцем, который окончил в России духовную семинарию, а также два курса Московской духовной академии. Начиная с 1850-х гг. православные арабы периодически отправлялись в Россию для получения духовного образования с тем, чтобы впоследствии составить контингент просвещенных арабских клириков Антиохийского патриархата. Как этнический араб, владеющий русским языком, А. Г. Кезма мог общаться не только с местным арабским населением, но и поддерживать связь с русскими представителями на Востоке и руководством Общества. Следует отметить, что арабов, получивших образование в России, в то время было совсем мало. И то, что Обществу удалось найти подходящую кандидатуру для начала просветительской деятельности на Востоке — было настоящей удачей.

А. Г. Кезме предстояло открыть несколько школ в Палестине, подобрать учителей, перевести ряд пособий на арабский язык, организовать, а затем и контролировать учебный процесс. Ему же после нескольких лет пребывания на Востоке следовало открыть и возглавить мужскую учительскую семинарию (пансион) для подготовки арабских педагогов. У Кезмы была еще одна очень важная роль. Он помогал адаптироваться русским учителям, прибывавшим на службу в Палестину и, прежде всего, в Назаретский мужской пансион, который был открыт им в 1886 г.

После того, как Назаретская учительская семинария стала выпускать арабских педагогов, владеющих русским языком, коммуникативные сложности в Пансионе, а затем и инспекциях Общества во многом удалось решить. Выпускники Назаретской семинарии возглавили двухклассные мужские школы ИППО и поддерживали связь с русскими инспекторами по вопросам управления школ и контроля над учебным процессом.

Иначе обстояло дело в женских школах Общества, где русско-арабское сотрудничество было организовано по иным принципам. В отличие от православных арабских юношей арабские девушки не отправлялись на обучение в Россию. Поэтому православных арабов, знающих русский язык, способных основать и возглавить школы, не было. Вследствие этого организацию женских школ в Палестине, а затем и Сирии поручили русским учительницам.

Первым русским педагогом в школах ППО стала Мария Семеновна Савельева, которой предстояло открыть и возглавить женскую школу в Назарете. В этом важном религиозном центре Общество решило

сосредоточить свои заботы «на возможно лучшей постановке школьного дела»¹¹. Именно оттуда просвещение могло легко распространиться по всей Галилее.

Помочь М. С. Савельевой в этом деле должны были А. Г. Кезма, а также консульский агент в Хайфе Селим Хури, который находился в подчинении русского генерального консула в Бейруте К. Д. Петковича. Однако по прибытии М. С. Савельевой в Назарет ни А. Г. Кезмы, ни С. Хури не оказалось рядом: Кезма в то время преподавал в Бейруте, а Хури был тяжело болен. Поскольку М. С. Савельева не владела арабским языком, ей пришлось объясняться с местным населением жестами¹². Нетрудно предположить, что русская учительница, не знавшая местных обычаев и правил поведения, часто попадала в неловкие ситуации. Так, по словам М. С. Савельевой, спустя несколько недель после приезда в Назарет, ее, по слухам, уже выдавали замуж¹³. Молодой незамужней девушке, назначенной руководительницей школы, было весьма сложно выстроить отношения с местными жителями, особенно мужчинами, которые пытались за ней ухаживать.

Незнание арабского языка не позволяло М. С. Савельевой не только общаться с арабами, но и преподавать в школе. Чтобы помочь ей решить коммуникативные проблемы, К. Д. Петкович и А. Г. Кезма нашли в Бейруте арабскую учительницу, которая окончила протестантскую школу и могла объясняться по-французски и по-гречески. Именно французский язык был поначалу основным средством коммуникации, которым пользовались русские и арабские учительницы в общении друг с другом. Когда А. Нофаль прибыла в Назарет, выяснилось, что французский она знает весьма посредственно, и М. С. Савельевой приходилось общаться с ней при помощи словаря¹⁴.

Несмотря на трудности в коммуникации, А. Нофаль стала для М. С. Савельевой незаменимой помощницей, при содействии которой ей удалось устроить школу и организовать учебный процесс. Согласно отчетам М. С. Савельевой, в школе преподавались молитвы, Евангелие, русский, арабский и французский языки, арифметика, поведение

11 Русские учреждения в Назарете. 3 августа 1906 // Россия в Святой земле. Документы и материалы. Т. 3. М., 2020. С. 592.

12 Письмо М. С. Савельевой к В. Н. Хитрово. 20 октября 1885 г. Назарет // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 362 (О Назаретской школе). 1885–1886. Л. 3 об.

13 Там же. Л. 6

14 Извлечение из писем М. С. Савельевой, начальницы женской школы в Назарете 20 октября 1885 // СИППО. 1886. № 2. С. 16.

в церкви и различные виды рукоделия¹⁵. Позднее в программу двухклассных школ были включены краткие сведения по истории и географии.

Помимо выполнения административной работы, М. С. Савельева должна была преподавать русский язык. Для того чтобы вести уроки, ей нужны были учебные пособия. С. Хури, через которого М. С. Савельева поддерживала связь с генконсулом в Бейруте, сообщал, что она не в состоянии обучать русскому языку за неимением нужных руководств¹⁶. В связи с этим С. Хури просил А. Г. Кезму выслать азбуки, по которым он учил мальчиков в бейрутской школе. С разрешения К. Д. Петковича А. Г. Кезма направил С. Хури 15 экземпляров русской азбуки свящ. Бобровского, которые были переданы М. С. Савельевой.

Женская школа в Назарете была открыта 3 октября 1885 г. с благословения митрополита Назаретского Нифонта. В первый день на занятия пришли 27 детей, но уже к концу октября их стало больше 80. Для удобства обучения, по примеру российских школ, девочек разделили на несколько групп. В I группу вошли дети самого младшего возраста, которые приходили играть и учиться говорить. Во II группе девочки учились читать и писать, в III — самой большой — ученицы слушали Евангелие и работали: учились шить, вязать, вышивать и кроить. М. С. Савельева писала, что поначалу дети, приходившие в школу, были настолько грязны, что с ними невозможно было стоять рядом. Большинство учеников происходило из бедных семей и не имело пригодной одежды и обуви для того, чтобы посещать занятия. В связи с этим у православных арабов Палестины большим успехом пользовались протестантские и католические школы, в которых детям выдавали новую одежду и кормили их. Школы ИППО не обладали значительными финансовыми средствами, чтобы оказывать своим ученикам и их семьям материальную поддержку. Для того чтобы помочь детям, М. С. Савельева изыскивала различные пути. Известно, что у нее оставались обедать 2 ученицы, чьи матери не могли их прокормить¹⁷. Вместе с тем М. С. Савельева приобретала на пожертвования ножницы, гребни, заказывала ткани к празднику, чтобы девочки на уроках рукоделия шили себе одежду. Ученицы были благодарны М. С. Савельевой за внимание

15 АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873 /1. Д. 362 (О Назаретской женской школе). 1885–1886. Л. 113.

16 Письмо А. Г. Кезмы к К. Д. Петковичу. 16 октября 1885 г. Хайфа / АВПРИ. Ф. 208 Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273. (Православное Палестинское общество). Л. 347 об.

17 Письмо М. С. Савельевой к К. Д. Петковичу. 20 декабря 1885 // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 362. 1885–1886. Л. 21.

и заботу, называя ее «хабибти» (любимая — араб. яз.). А их матери периодически оставляли своих дочерей ночевать у русской учительницы, таким доверием она пользовалась¹⁸.

Согласно учебному расписанию, дети приходили в школу к 7 часам утра и до 8 ½ их умывали, причесывали и приводили в порядок. М. С. Савельева и А. Нофаль приучали девочек к гигиене и соответствующему поведению в классе. По словам русской учительницы, даже те девочки, которые раньше посещали английскую школу, не знали, как вести себя на уроках¹⁹. В половину 9-го начиналась общая молитва и чтение Евангелия, после чего в 9.30 дети отправлялись на занятия. М. С. Савельева вела уроки русского и французского языков, обучала молитвам и рукоделию. А. Нофаль преподавала остальные дисциплины. Завершались занятия после 4 часов дня²⁰.

Поскольку школа успешно развивалась, а количество учениц постоянно росло (в конце 1886 г. их было более 200)²¹, М. С. Савельевой и А. Нофаль потребовались помощницы. Найти учительницу в Палестине было весьма трудно, а выписать из Бейрута (где проживали наиболее образованные православные арабы) долго и дорого. В связи с этим М. С. Савельева решила обучить помощниц сама. К тому же в задачи Назаретской женской школы входила подготовка арабских учительниц для сельской местности. Система обучения была следующей: из учениц старшего класса выбиралась наиболее способная девушка, которая с согласия родителей готовилась к будущей педагогической деятельности. Под присмотром обеих учительниц она преподавала в младшем классе, а затем практиковалась в старшем, после чего выпускалась. Первой учительницей, подготовленной в школе М. С. Савельевой, стала Насра Зарина. Днем она занималась с маленькими детьми, а вечером брала уроки у старшей учительницы — А. Нофаль, чтобы повысить свою квалификацию.

Преподавательская нагрузка распределялась между учительницами согласно их знаниям и опыту. А. Нофаль обучала азбуке и началам чтения в старшем отделении первого класса. Во втором классе она

18 Извлечение из писем М. С. Савельевой начальницы женской школы в Назарете 20 октября 1885 // СИППО. 1886. № 2. С. 19.

19 Письмо М. С. Савельевой к М. П. Степанову. 7 декабря 1885. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 362. 1885–1886. Л. 8.

20 Письмо М. С. Савельевой к В. Н. Хитрову. 20 октября 1885 г. Назарет // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 362. 1885–1886. Л. 4.

21 Письмо М. С. Савельевой к В. Н. Хитрову. 2 декабря 1886 г. // АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 362. Л. 107.

преподавала чтение, изучала с детьми Священную историю, Евангелие и Катехизис. Вместе с тем она вела уроки письма, арифметики и географии. Раз в неделю, по понедельникам, старшая учительница читала и объясняла Евангелие матерям учениц, которые приглашались М. С. Савельевой в школу. На такие чтения собиралось около 200 женщин. Сама же начальница преподавала во втором классе русский язык: чтение, письмо, молитвы, счет, обучала пению и рукодельным работам: шитью, вышиванию золотом и плетению кружев. По праздникам ученицы вместе с М. С. Савельевой или ее помощницей посещали церковь, затем совершали прогулки по окрестностям города, во время которых играли, веселились и угощались недорогими сладостями²².

В своих письмах М. С. Савельева упоминает, что после того, как Насра Зарина приобрела некоторый опыт, она стала вести уроки в старшем отделении III класса вместо А. Нофаль, преподавание в младшем отделении было поручено «вновь подготовленной» учительнице — Аффифе Канази, которой к тому времени было всего 17 лет. Кроме того, у М. С. Савельевой была наготове еще одна помощница, которая прежде училась в английской школе. М. С. Савельева планировала определить ее на место А. Канази. Аффифа же должна была занять место Насры Зарины, которую М. С. Савельева рассчитывала направить в качестве учительницы в одну из соседних деревень²³. Как видно, в течение короткого периода времени М. С. Савельевой удалось подготовить трех учительниц. Одну из них она намеревалась отправить в сельскую школу, других — оставить себе в помощницах.

Несмотря на то, что М. С. Савельева выполнила поставленные перед ней задачи, руководство Общества не было довольным уровнем подготовки арабских учительниц, которая при данной программе и сроках не могла быть обстоятельной. По этому поводу М. С. Савельева писала помощнику председателя Общества В. Н. Хитрово:

«Вы находите, что девушки, пробывшие менее 4-х лет в нашей школе, не могут быть учительницами, а где же мне было их взять, когда и в Бейруте их не могли найти. Арабков православных и образованных свободных — нет, а протестанток взять не смею, не получив от Общества разрешения»²⁴.

22 АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 813/1 Д. 371 (О Бет-Джалльской женской учительской семинарии и иудейских школах общества). Л. 30–32.

23 АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 362. (О Назаретской женской школе). 1885–1886. Л. 82 об.

24 Письмо М. С. Савельевой к В. Н. Хитрово. 2 декабря 1886 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 362. 1885–1886. Л. 102.

Для того чтобы решить эту проблему, М. С. Савельевой рекомендовали подумать об учреждении женской учительской семинарии, наподобие мужского пансиона А. Г. Кезмы в Назарете. Однако в силу различных обстоятельств она от этой идеи отказалась.

Что касается женской школы, то она функционировала весьма успешно. Об этом свидетельствует тот факт, что принципы работы этого учебного заведения применялись в женской школе Бейт-Джалы. Изначально эта школа была основана русской паломницей Е. Ф. Бадровой в Иерусалиме²⁵. При содействии начальника Русской духовной миссии о. архимандрита Антонина (Капустина) школа в 1866 г. была переведена в Бейт-Джалу, которая являлась оплотом католической пропаганды. Учебное заведение расположилось в здании, которое было основано на средства императрицы Марии Александровны. Она же жертвовала суммы, необходимые для содержания школы. После того, как императрица скончалась, арх. Антонин продолжал руководить школой и содержать ее на благотворительные средства, находившиеся в его распоряжении. Поскольку этих средств не хватало, школа постепенно приходила в упадок. Как духовное монашествующее лицо, архимандрит затруднялся продолжать непосредственное руководство школой. В связи с этим в 1886 г. он передал школу в ведение ППО. Поскольку арх. Антонин заведовал школой 20 лет, Общество настояло на том, чтобы он оставался ее попечителем²⁶.

К тому времени как Православное Палестинское общество решило принять школу в свое ведение, там обучалось 60 девочек под руководством арабской учительницы. Ею была девица 26 лет, которая получила образование в латинской школе, а затем перешла из католичества в православие²⁷. Ввиду данных обстоятельств молодая учительница не внушала особого доверия в отношении способностей и сил исполнять принятые на себя обязанности²⁸. Руководство школой изначально предлагали М. С. Савельевой, которая отказалась покинуть Назарет. Затем на это место планировали назначить М. А. Черкасову, но она по каким-то причинам не приглянулась архимандриту Антонину.

25 См. Бутова Р. Б. Школа Е. Ф. Бадровой. К 150-летию русского учебного дела в Святой земле. URL: <https://www.ippo.ru/old/history/school/s/1/index.html>.

26 АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 813/1. Д. 371. (О Бет-Джалльской женской учительской семинарии и иудейских школах общества). Л. 22.

27 Там же. Л. 21 об.

28 Отношение Российского Императорского Консульства в Палестине Православному Палестинскому Обществу от 8 октября 1883 г. Иерусалим /АВПРИ. Ф. Консульство в Бейруте. // Оп. 819. Д. 273. 1882–1885. Л. 197 об.

После этого М. А. Черкасова покинула Палестину и направилась в Бейрут, где в 1887 г. основала школу для девочек. В итоге начальницей Бейт-Джалльской школы стала Мария Порфирьевна Глебова, которая до этого состояла учительницей в Кирилло-Мефодиевской школе. М. П. Степанов характеризовал ее, как «девицу во всех отношениях отличную, скромную <...> желающую поработать»²⁹. Однако, прежде чем передать руководство школой М. П. Глебовой, архимандрит Антонин считал полезным пригласить в Бейт-Джалу М. С. Савельеву, чтобы она ввела в учебном заведении настоящий порядок. Кроме того, архимандрит предлагал М. П. Глебовой самой посетить Назарет и посмотреть, как там поставлено учебное дело³⁰.

Неизвестно, приезжала ли М. С. Савельева в Бейт-Джалу, а М. П. Глебова в Назарет, однако последней была дана инструкция, составленная с учетом положительного опыта работы Назаретской женской школы. По прибытии в Палестину М. П. Глебовой в первое время рекомендовалось «продолжать заведенный порядок преподавания, оставив его за нынешнюю учительницу Б.-Джалльской школы». Ее следовало «считать второю учительницею и постараться приискать себе помощницу из православных арабов, владеющую французским языком, для того чтобы Начальница могла с нею объясняться и ею руководить»³¹. В том случае, если в Иерусалиме и его окрестностях не нашлось бы подходящей кандидатуры, М. П. Глебовой советовали списаться с русским генконсулом в Бейруте К. Д. Петковичем и попросить его выслать в Бейт-Джалу соответствующую учительницу. Согласно инструкции, М. П. Глебовой на первых порах рекомендовалось заняться воспитательной работой, приучая девочек к чистоте, опрятности и послушанию. По праздничным дням ей следовало водить девочек в местную православную церковь, приучая их стоять «чинно и внимательно» во время богослужения. Вместе с тем М. П. Глебова должна была обучать девочек рукодельным работам.

«Впоследствии, освоившись с новым положением и отчасти с арабским языком, Начальница должна, главным образом, обратить внимание на преподавание русского языка, имея в виду подготовить <...> сельских учительниц,

29 Письмо М. П. Степанова к арх. Антонину. 9 мая 1886 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 813/1 Д. 371. 1886. Л. 2.

30 Письмо арх. Антонина к М. П. Степанову. 25 июня 1886 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 813/1 Д. 371. 1886. Л. 4 об.

31 Инструкция начальниц женской школы в Бейт-Джалле // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 813/1. Д. 371. Л. 25.

для которых русский язык необходим, ибо даст им возможность пользоваться русскими учебными пособиями. Предметы преподавания в школе кроме русского языка должны быть: молитвы, чтение и объяснение Священной истории и Евангелия, объяснение богослужения, <...> Катехизис, арабское чтение и письмо, краткая география и история, преимущественно Палестины и Сирии, арифметика, пение и работа»³².

В каждом классе девочки должны были оставаться по два года, но могли и долее, в случае необходимости. При этом в школу следовало допускать в основном православных, но, если помещение позволяло, рекомендовалось не обращать внимание на вероисповедание и принимать всех желающих. Целью воспитания объявлялась подготовка «грамотных девушек, которые в будущем могли бы сами преподавать»³³.

Применить данные руководством Общества инструкции оказалось весьма не просто. По приезду в Бейт-Джалу М. П. Глебовой не удалось собрать детей в школу, занятых в поле сбором урожая. Поскольку преподавать М. П. Глебова не могла, она оказывала помощь в лечении и уходе за больными детьми, заслужив тем самым любовь и уважение деревенских жителей. В отличие от местных православных арабов, с которыми М. П. Глебова без труда поладила, ее взаимоотношения с российскими представителями на Ближнем Востоке, в частности с К. Д. Петковичем и Д. Д. Смышляевым, складывались сложно. В результате М. П. Глебова не выдержала трудностей и была отозвана со службы Обществу в силу непригодности к местным условиям³⁴. В Бейт-Джале она провела всего два месяца. Сменившие М. П. Глебову на посту начальницы школы А. О. Селиванова, В. К. Ваксмут, А. Ф. Клементовская тоже работали в учебном заведении недолго³⁵.

Постоянная смена руководства в Бейт-Джалльской женской школе прекратилась в 1890 г., когда учебное заведение возглавила Евдокия Михайловна Тараканова. Тогда же под ее руководством в Бейт-Джале был открыт пансион для девочек, в задачи которого входила подготовка учительниц для сельских школ.

32 Там же. Л. 25–26.

33 Там же. Л. 25–26.

34 Письмо Д. Н. Бухарова к М. П. Степанову. 28 октября 1886 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 813/1. Д. 371. Л. 61.

35 См. Федотов П. В. Кадровая политика Императорского православного палестинского общества на Ближнем Востоке (1882–1914 гг.): русские сотрудники учебных заведений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. Сер. 17. Вып. 2. С. 103.

В отличие от Назаретской женской школы, в Бейт-Джале отношения между русскими и арабскими педагогами выстраивались по другому принципу. Е. М. Тараканова и ее русские коллеги прибыли в школу, в которой уже преподавали арабские учительницы. Как правило, это были выпускницы греко-православных или инославных местных начальных школ. Русские учительницы в большинстве своем были выпускницами гимназий и имели среднее образование. Нетрудно предположить, что между преподаванием тех и других существовала методологическая пропасть, что мешало слаженной работе школы. К примеру, традиционными методами обучения на Ближнем Востоке было заучивание материала наизусть без какого-либо его осмысления. Посетив занятия своих арабских коллег, Е. М. Тараканова писала:

«На уроках арабской учительницы нет никакой дисциплины, дети занимаются непосредственно сами, со всех сторон слышишь, как раздается жужжание; учительница дожидается, когда пройдет полчаса, в которые дети должны выучить на память несколько строк; в другие полчаса выученное отвечают»³⁶. При таком подходе детям было трудно привыкнуть к порядку на уроках русского языка, «и если они скоро привыкли, то только благодаря их прилежанию и терпеливости со стороны [русской — Е. С.] учительницы»³⁷.

В это время российская педагогическая наука активно развивалась, прежде всего, благодаря трудам К. Д. Ушинского. При обучении русскому языку использовался звуковой метод, практиковались пересказы, диктанты, изложения и сочинения. Дети, которые учили арабский язык по старой методике, с трудом перестраивались на уроках русских учительниц. В связи с этим Е. М. Таракановой приходилось развивать мышление у арабских учениц не только по-русски, но и по-арабски.

Взгляды русских и арабских педагогов различались не только на обучение, но и на воспитание. К примеру, арабские учительницы могли применять телесные наказания, что в школах Общества было строго запрещено. О том, что учительницы-арабки (особенно в сельских школах) прибегали к подобным воспитательным методам, упоминал учитель Назаретского пансиона, а впоследствии инспектор школ ИППО А. И. Якубович. Он не только «отбирал палки» у учительниц, но и показывал им правильные педагогические приемы. Каждую субботу он собирал

36 Отчеты по Бейт-Джальской школе для приходящих девочек за учебные 1890/92 годы // СИППО. 1892. № 4. С. 455.

37 Там же. С. 455.

у себя арабских коллег и вел с ними беседы относительно того, что им следовало делать и указывал на недостатки в их работе³⁸.

Помимо различий в педагогических методах, эффективной реализации учебного процесса в Бейт-Джалльской школе препятствовал языковой барьер. Каждое слово русским и арабским учительницам приходилось переводить сообща. Сначала с русского на французский, а затем на арабский язык. В связи с этим уроки получались сухими. Чтобы облегчить процесс обучения русскому языку, а также общение с учительницей, дети заучивали на уроках названия основных предметов в классе: книга, доска, грифель, стол, стул. Затем основные глаголы, употребляемые учительницей: встань, сядь, пойдя сюда, читай, пиши³⁹. После этого дети учились читать и писать, знакомились с работой над текстом: запоминали русские слова с переводом на арабский, а также учили статьи на память⁴⁰. Вместе с тем учительницы старались привить девочкам дисциплину, обучить их хорошим манерам и правилам поведения в классе, принятым в русских школах. К примеру, когда учитель входил, все должны были встать и сказать здравствуйте, когда выходил — встать и сказать до свидания. Если учительница спрашивала воспитанницу, то та должна была встать и ответить.

Для того, чтобы улучшить взаимодействие с арабскими учительницами и детьми, в Бейт-Джалльской школе проводились совместные уроки рукоделия. На эти уроки собирались сразу три отделения. Арабская учительница обучала их местным рукоделиям. Старшие вышивали, младшие вязали спицами или крючком. Русская учительница, не зная арабского языка, поневоле говорила по-русски, а дети таким образом привыкали к русской речи и выучивали некоторые слова: иглолка, ножницы, наперсток. Постепенно дети стали разговаривать по-русски на уроках, пытались шутить, рассказывать что-нибудь о своей семье.

Русские учительницы присматривались к арабским детям, наблюдали за их отношениями с матерями, их поведением, интересами. Пытаясь наладить общение вне уроков, они следили за тем, чем дети любят заниматься, учили их русским играм, а также играли в арабские. Постепенно ученики и учителя адаптировались друг к другу. Русские

38 Выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А. И. Якубовича от 28 июня, 5, 15, 26 августа, 1 сентября, 1 октября, и 26 декабря 1891 г. // СИППО. 1892. № 2. С. 186.

39 Отчеты по Бейт-Джалльской школе для приходящих девочек за учебные 1890/92 годы // СИППО. 1892. № 4. С. 413.

40 Там же. С. 415.

педагоги стали привыкать к простоте в обращении и многое стали находить милым.

Начало учебной деятельности в Бейт-Джальском женском пансионе

Девочки, окончившие Бейт-Джальскую, а также другие двухклассные женские школы ИППО, могли поступить в Пансион. По словам Ханны Кидлани, (католического священника арабского происхождения), открытие Бейт-Джальского пансиона обогатило культурную жизнь Палестины, поскольку обучение девочек в этих краях было редким и новым⁴¹. Отечественный историк А. Г. Грушевой отмечает особую роль, принадлежавшую Назаретской и Бейт-Джальской учительским семинариям в формировании арабской интеллигенции⁴².

В отличие от женских школ Общества, для которых не было составлено четких учебных программ, программы для семинарий-пансионов были разработаны весьма основательно. Согласно постановлениям педагогической комиссии в 1894 г., учебный курс в обоих пансионатах составил 6 лет по два года обучения в каждом классе⁴³. Среди дисциплин, преподававшихся в женской учительской семинарии, были Закон Божий, арабский язык, русский язык, история, география, арифметика, рукоделие, чистописание (арабское и русское), черчение и рисование, пение арабское и русское), поведение, а также педагогика⁴⁴.

Подобно Бейт-Джальской школе, в Пансионе преподавали русские и арабские учительницы. Помимо Е. М. Таракановой, возглавлявшей Пансион, среди педагогов в 1894 г. числились А. Ф. Клементовская, В. М. Соколова, А. Студенкова, Е. Н. Каковина, а также две арабские учительницы: С. Абу-Хаджар и С. аль-Мустакляб⁴⁵.

41 *Kildani, Hanna*. Modern Christianity in the Holy Land / Translated by George Musleh. Bloomington. 2010. P. 147.

42 *Грушевой А. Г.* Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 287

43 См. *Лагузова Н. А.* Школьная деятельность Императорского православного палестинского общества в 1905–1914 гг. // Иерусалимский семинар. 2012. Вып. 3. С. 136.

44 См. Бейт-Джальский пансион. Баллы за январь 1894/95 // АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 374. (О Бейт-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах общества). 1893–1894. Л. 96.

45 См. Бейт-Джальский пансион. Баллы за январь 1894/95 // АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 374. (О Бейт-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах общества). 1893–1894. Л. 98 – 99 об.

Первый набор воспитанниц, произведенный в 1890 г., состоял не только из выпускниц начальных школ Общества, но и греко-православных, а также местных протестантских школ. Из 12 учениц, поступивших в Пансион, только 4 были из Бейт-Джальской школы, остальные не оканчивали школ ИППО. В связи с этим уровень знаний и воспитания был у учениц разный. К примеру, некоторые девочки не умели есть ложками и вилками, не знали, как правильно вести себя в классе. Вследствие различной подготовки детей в классе приходилось делить по уровню знаний на группы и весь первый год усиленно заниматься с одними ученицами, чтобы они сравнялись с другими.

Для того чтобы повысить качество обучения в Бейт-Джальском пансионе, девочки должны были как можно скорее освоить русский язык. Дело в том, что до середины 1890-х гг. квалифицированными учителями в этом заведении были только русские, которые не владели арабским языком. Кроме того, учебные пособия по которым занимались арабские дети в школах Общества, были в основном на русском языке. В это время на арабском языке качественной учебной литературы было крайне мало. К тому же в основном она была написана католиками и протестантами, что не подходило для школ ИППО. Понимая это, руководство Общества прикладывало большие усилия к составлению и переводу учебных материалов на арабский язык. Переводом этих пособий занимался А. Г. Кезма, а впоследствии и другие арабы, получившие образование в России или в Назаретской и Бейт-Джальской семинариях. Однако этот процесс был чрезвычайно долгим и кропотливым. В связи с этим арабским учителям так или иначе приходилось пользоваться русскими учебниками.

Из поступивших в первый набор девочек лишь те из них, кто окончил Бейт-Джальскую школу, умели немного читать и писать по-русски. Большинство же воспитанниц русскую речь слышали впервые. Поначалу девочки очень заинтересовались новой обстановкой и русскоязычной средой. Чтобы быстрее заговорить по-русски, они просили каждое новое слово, услышанное ими, переводить на арабский язык. Однако, когда учительницы потребовали, чтобы дети разговаривали исключительно на русском языке, они стали упрямыми. С подобным непослушанием русские учительницы боролись и наказывали учениц: заставляли девочек, которые говорили по-арабски, 100 раз писать на доске сказанные ими слова и фразы⁴⁶. Столь жесткие воспитательные меры носили вынужденный характер и были направлены на то, чтобы девочки

46 Отчет по Бейт-Джальскому женскому пансиону за учебные 1890–92 гг. // СИППО. 1892 (Октябрь). С. 517.

как можно скорее интегрировались в систему Пансиона, стали лучше понимать своих русских педагогов и читать русскую литературу. В первые годы своей службы в Пансионе Е. М. Тараканова писала:

«Наша пансионская жизнь, жизнь семейная. Дети с каждым днем все ближе и ближе знакомятся с воспитательницами, т. е. с их образом мыслей, мнениями, желаниями, поступками... они исправляются от дурных наклонностей, сознают, что должны повиноваться постановлениям той среды, в которой живут»⁴⁷.

Трудности русско-арабского взаимодействия в урочное время удавалось компенсировать во время внеклассных занятий. Русские и арабские учительницы устраивали с девочками совместные игры, а также музыкально-вокальные вечера. Дети, видя, что о них заботятся и обращаются с ними как с равными, платили за это лаской: подходили, обнимали и целовали руки⁴⁸. В. А. Латышев, посетивший школы Общества в 1897 г., отмечал особый вклад русских учительниц в воспитание арабских детей. Они «не только учат детей в школах, — писал В. А. Латышев, — но и моют их, и чистят, и водят по праздникам в церковь, и устраивают чтения и беседы для взрослых, переписываются с бывшими их ученицами, сделавшимися учительницами»⁴⁹.

Женские школы ИППО и выпускники учительских семинарий

В то время как Бейт-Джалский пансион только приступил к подготовке педагогических кадров для начальных женских школ Общества, Назаретская учительская семинария, готовилась к своему первому выпуску. Лучшие из ее выпускников могли направиться в Россию для получения дальнейшего образования: в духовной семинарии, а затем духовной академии или педагогическом институте. Завершив обучение, они должны были вернуться на родину и посвятить себя служению Церкви или преподавать в школах ИППО. Остальные выпускники Назаретской семинарии после четырех лет обучения готовились стать педагогами в мужских школах Общества. Однако прежде их ждала

47 Там же. С. 568.

48 Там же. С. 518.

49 Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества (из отчета директора народных училищ С.-Петербургской губернии В. А. Латышева по командировке в Палестину и Сирию в 1897 г.) // СИППО. 1897 (Июнь) № 3. 1897. С. 344.

двухгодичная практика, которую они проходили в мужской школе в Назарете, а иногда направлялись практикантами в женские школы Общества, включая Назаретскую.

В период с 1895 по 1899 гг. начальницей Назаретской женской школы была Александра Сергеевна Петрова, которая сменила на этом посту А. Надеину. А. С. Петрова была чрезвычайно рада расширению кадрового состава школы за счет присылаемых на педпрактику семинаристов. С появлением юношей-практикантов исчезли коммуникативные проблемы между русскими и арабскими педагогами, а также детьми. Кроме того, школа получала в свое распоряжение (хоть и временно) первых квалифицированных арабских педагогов. Выпускники мужской учительской семинарии обучались по российским методикам и хорошо владели русским языком. Кроме того, за 4 года, проведенные в закрытом Пансионе, они успели освоить правила поведения, принятые в российских учебных заведениях, что существенно облегчало русско-арабское общение и взаимопонимание. В своих письмах, адресованных В. Н. Хитрово, А. С. Петрова сообщала:

«Теперь моя школа держится еще благодаря практикантам, которые сменяются один за другим. Хотелось бы подогнать детей к инструкции, но <...> это мудреное дело, так как мы отстали. Будь у меня в школе учителем один год только один из практикантов — я бы поручилась, что дело стало бы правильно. А теперь приходится учить учительниц, не только по-русски, но и по арифметике, да и по всему...»⁵⁰.

В это время в школе по-прежнему преподавали А. Нофаль и А. Канази, а также новые учительницы: Фарха Шалюфа и Закият, качеством подготовки и знаниями которых А. С. Петрова была не слишком довольна. Учебный процесс и его результаты контролировались начальницей, а также школьным инспектором А. И. Якубовичем и А. Г. Кезмой, которые присутствовали на экзаменах и педсоветах. Лишь начальник Назаретской семинарии, знавший русский и арабский языки, мог вполне оценить качество преподавания арабских учительниц и донести соответствующую информацию членам экзаменационной комиссии. Благодаря таким экзаменам, начальницы могли ясно увидеть слабые стороны преподавания своих арабских подчиненных⁵¹. Не зная арабского

50 Письмо А. С. Петровой к В. Н. Хитрово. 16 апреля 1896 г. / АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 — 16 декабря 1899. Л. 14.

51 Письмо А. С. Петровой к В. Н. Хитрово. 17 февраля 1896 г. / АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 — 16 декабря 1899. Л. 4 об.

языка, им было трудно контролировать качество уроков, которые вели их арабские коллеги.

В 1896 г. А. С. Петрова, с согласия А. И. Якубовича, решила расстаться с А. Нофаль, которой к тому времени исполнилось 55 лет. А. С. Петрова намеревалась откровенно сообщить А. Нофаль, что «ее решительно некуда приспособить». Помимо работы в яслях, она читала Евангелие женщинам по выходным, но имела, по словам русской учительницы, на них небольшое влияние⁵². Когда А. Нофаль была принята на службу в школу, она была вдовой с 5-ю детьми. За это время дети выросли и, вероятно, уже могли позаботиться о своей пожилой матери. Поскольку А. Нофаль прослужила в Назаретской школе более 10 лет, ей при увольнении собирались выплатить годовое жалование, а также дополнительные средства. Весьма примечательно, что после увольнения учительница не порвала связей со школой, а приходила туда на Рождество вместе со своей семьей.

На место А. Нофаль в ясли планировали перевести А. Канази. По словам начальницы школы, это тоже была «малопригодная учительница, но отказать двум «старейшим» в одно время, не совсем удобно...»⁵³. Перемещение Канази в ясли оказалось весьма удачным. Теперь она находилась на своем месте, и А. С. Петрова была ею очень довольна⁵⁴.

Решение А. С. Петровой расстаться с А. Нофаль, которая хоть и не была профессиональным педагогом, но все же привыкла к русской речи и руководству, было обусловлено тем, что в школу на постоянную работу должны были прибыть первые выпускницы Бейт-Джалского пансиона. Е. М. Тараканова виделась с А. С. Петровой в Иерусалиме и предложила ей взять учительницу и практикантку.

Несмотря на то, что А. С. Петрова нуждалась в толковых арабских учительницах, предстоящая встреча с выпускницами Бейт-Джалского пансиона тревожила ее. По этому поводу она писала В. Н. Хитрово:

«Вам скажу, между нами, что я очень неохотно возьму к себе учительницу из Бейт-Джалы. Может быть, я и буду довольна той, которая попадет ко мне. Но кроме Ев. Мих. [Таракановой — Е. С.] никто об них не отзывается с похвалой. Я говорю «никто» и учительницы Бет-Джалы и Ек. Ив. Шмидт и обе ее помощницы. Они вялые, постницы. Мне так надоели мои вялые учительницы

52 Письмо А. С. Петровой к В. Н. Хитрово. 17 февраля 1896 г./ АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 – 16 декабря 1899. Л. 6.

53 Там же. Л. 5 об.

54 Письмо А. С. Петровой к В. Н. Хитрово. 18 февраля 1897 г./ АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 – 16 декабря 1899. Л. 64 об.

здесь, что я с ужасом думаю о том, что штат их увеличится еще одною <...> если Бет-Джалская такая же, то прямо будет одно горе. Ведь Евд. Мих. Сама не дает им самостоятельно работать, а посылает всюду своих практиканток!»⁵⁵.

Зная об опасениях А. С. Петровой, В. Н. Хитрово рекомендовал ей взять к себе в учительницы Оде, которая в это время оканчивала Пансион⁵⁶. Важно отметить, что В. Н. Хитрово получал обстоятельные отчеты от Е. М. Таракановой с подробными характеристиками, которые она писала на девочек, а также сведениями об их успеваемости. Василий Николаевич вникал во все нюансы учебно-воспитательного процесса и давал указания относительно распределения выпускниц Бейт-Джалского пансиона.

К началу 1896 учебного года из Бейт-Джалы в Назарет прибыли две учительницы. Своим внешним видом и выдержанностью они произвели на А. С. Петрову «самое благоприятное впечатление»⁵⁷. Учительницу Елену Кассис она определила к двум первым группам первого класса, Неми Кассис в малолетнее отделение. Учительнице Закият, которая ранее преподавала в школе, были поручены III группа I класса и I группа II класса. Афифа осталась в яслях.

Однако спустя несколько дней А. С. Петрова поняла, что сделанное ею распределение неэффективно. В отсутствие педагогического опыта новые учительницы растерялись: они не могли поддерживать дисциплину в классе и обстоятельно преподавать. Несмотря на полученное образование, выпускницы Бейт-Джалского пансиона уступали в педагогических навыках учительницам Закият и А. Канази. В своих письмах А. С. Петрова с сожалением отмечала:

«Предполагая найти в новых учительницах таких же умелых помощниц, какими были у меня практиканты в продолжении 6–7 месяцев 95–96 учебного года, я не беспокоилась о предстоящих занятиях <...> На первые «несмелые» шаги Бетджалок я смотрела как на понятное в их положение смущение с незнакомыми детьми, в новом месте. Но, к великому моему огорчению, я вскоре убедилась, что то были не «несмелые» шаги на новом поприще, а полная неспособность девочек к занятиям <...> Изю дня в день ежечасно,

55 Письмо А. С. Петровой к В. Н. Хитрово. 16 апреля 1896 / АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 – 16 декабря 1899. Л. 13 об.–14.

56 Письмо В. Н. Хитрово к А. С. Петровой. Декабрь 1896 / АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 – 16 декабря 1899. Л. 15. об.

57 Письмо А. С. Петровой к В. Н. Хитрово. 10 октября 1896 / АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 – 16 декабря 1899. Л. 28.

ежеминутно стояла я при учительницах в классе, замечая их слабые стороны и обращая их внимание на все их погрешности. По арифметике я поручила их Вал. Сергеевне⁵⁸, чтобы она подготовила их к урокам <...> Учительницы сносно владеют русским языком, хотя акцент и сохранился, особенно у Елены, но <...> ни по-арабски перевести то, что им говоришь по-русски, ни с русского на арабский — они неспособны. И это прямо-таки бедствие для нас. Рассчитывая, что с приездом Бетджалок у нас не будет затруднений в сношениях с арабами, как не было его при практикантах, мы не занимались арабским языком для разговоров, и — очутились в грустном положении»⁵⁹.

Особенно трудно обстояли дела с переводом задач на арабский язык из русских учебных пособий. «Бетджалки» переводили задания по математике таким образом, что учительница Закият не понимала их смысла и не могла решать. Когда же перевод показали практиканту из Назаретского пансиона, выяснилось, что он был выполнен дословно. По этой причине ни учительница Закият, которая преподавала математику, ни ее ученики не могли понять задачи. Учитывая обстоятельства, А. С. Петрова лично стала заниматься с детьми арифметикой, поручая перевод задач одному из практикантов.

Очевидно, что работа выпускниц Бейт-Джалского пансиона не вполне устраивала А. С. Петрову. По мнению русской учительницы, их профессиональные навыки не шли ни в какое сравнение с приемами выпускников Назаретской учительской семинарии⁶⁰. Почему же в середине 90-х гг. разница в качестве подготовки воспитанников Назаретской мужской и Бейт-Джалской женской семинарий была столь значительной? В это время при обоих пансионах функционировали образцовые школы, в которых арабские дети получали начальное образование. В этих школах, «по образцу» которых были организованы остальные двухклассные школы Общества, обучение составляло пять лет: три года в первом классе и два года во втором. Согласно утвержденным программам, в учебных заведениях подобного типа преподавали Закон Божий, арабский и русский языки, арифметику, историю, географию, пение и рукоделие. Образцовой школой в это время руководил учитель араб, который

58 Помимо А. С. Петровой в Назаретской женской школе в 1890-е гг. преподавали ее сестры: Раиса, Валентина и Надежда.

59 Отчет А. С. Петровой для А. И. Якубовича // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 — 16 декабря 1899. Л. 71 об. — 73 об.

60 Письмо А. С. Петровой к В. Н. Хитрову. 1 октября 1896 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 — 16 декабря 1899. Л. 28—28 об.

вел уроки арабского языка, остальные предметы преподавали практиканты под присмотром русского дежурного учителя из Пансиона, а также под контролем А. Г. Кезмы и А. И. Якубовича. В этот период в Назаретском пансионе преподавало несколько русских учителей, которые имели среднее или высшее образование, учитель араб, который прекрасно знал литературный арабский язык, но не владел русским, а также А. Г. Кезма, обеспечивавший коммуникацию между русскими и арабскими учителями и инспектором. По мере того как педагогический штат Пансиона пополнялся профессиональными русскими педагогами, (а иногда и востоковедами), а также арабами, получившими среднее педагогическое и высшее образование в России, их профессиональное взаимодействие, а также качество образования воспитанников улучшалось⁶¹.

К середине 1890-х гг. Назаретский пансион более или менее отладил учебную систему и сделал несколько выпусков. На 5-м и 6-м годах обучения воспитанники Семинарии получали обширную педагогическую практику и слушали курс педагогики. Кроме того, они помогали русским учителям в Пансионе, выступая их переводчиками. Следовательно воспитанники младших классов Пансиона, (которые недостаточно владели русским языком), лучше понимали своих русских учителей.

В Бейт-Джалльском пансионе сложилась иная ситуация. До середины 90-х гг. хорошо образованными учителями там были только русские. Арабские учительницы имели в основном начальное образование. Они не владели русским языком и современными методами преподавания, что не позволяло им активно взаимодействовать с русскими педагогами и наладить учебный процесс. К тому же девочки, которые поступили в Пансион в результате первого набора, имели слабый уровень подготовки. Находясь 6 лет в русскоязычной среде, они хорошо освоили русский язык. Однако по остальным дисциплинам, включая литературный арабский язык, (которым арабские учительницы в силу своего образования владели плохо), воспитанницы не получили основательных знаний. Суммарно этих причин и объясняется слабый уровень подготовки первого выпуска Бейт-Джалльского пансиона, которым не были довольны русские учительницы.

Впоследствии в Пансион поступали только лучшие выпускницы двухклассных школ Общества. При этом приоритет отдавался девочкам, окончившим Бейт-Джалльскую школу, где преподавали учительницы

61 См. *Смирнова Е. В.* Русско-арабская коммуникация и учебный процесс в Назаретской семинарии ИППО // *Христианство на Ближнем Востоке.* 2021. Т. 5. № 1. С. 5–33.

из Пансиона и хорошо знали способности своих учениц. Под руководством русских педагогов дети знакомились с русским языком, а также учебно-воспитательной системой ИППО, что впоследствии облегчало их обучение в Пансионе и делало его более эффективным. Несмотря на то, что коммуникативное и профессиональное взаимодействие в Бейт-Джалльском пансионе было слабее, чем в Назаретском, взаимоотношения между педагогами и их воспитанницами в женской семинарии складывались лучше. Причиной тому было проживание в одном здании воспитанниц и их наставниц, что позволяло им часто общаться вне уроков и способствовало сближению. Кроме того, срок службы русских педагогов в Бейт-Джалльском пансионе был весьма долгим. Сенатор Н. М. Аничков, который руководил учебной частью ИППО, писал по этому поводу следующее:

«Состав учительниц остается дольше на местах и в этом отношении надежнее. Особенно в Бейт-Джалльской семинарии, где были тогда лица служащие 8–9 лет со времени открытия заведения. Уживчивость Бейт-Джалльских учительниц зависит от исключительных качеств начальницы, которая тоже 9 лет находится на своем месте, от хороших условий жизни, устроенных на Русский лад относительно помещения, пищи и проч., от близости Иерусалима (8 верст) и возможности потому постоянного общения с Русскими людьми»⁶².

В Назаретской семинарии штат русских учителей до конца 1890-х гг. постоянно менялся. Кроме того, в дела Пансиона вмешивались русские педагоги, а общий ход учебного процесса контролировался инспектором, с которым А. Г. Кезма должен был считаться. Е. М. Тараканова была полновластной хозяйкой в своей Семинарии. Однако в отличие от А. Г. Кезмы, который не только руководил Пансионом, но и преподавал, Е. М. Тараканова уроков не давала. По мнению Н. М. Аничкова, руководители учебных заведений должны были вести педагогическую деятельность. Это позволяло сблизиться с учениками и педагогами, а также лучше вникнуть в дела пансионеров. Для улучшения коммуникативного и профессионального взаимодействия в Бейт-Джалльской семинарии Н. М. Аничков предлагал русским учительницам больше практиковаться в арабском языке; увеличить количество часов русского языка для воспитанниц; направлять выпускниц

62 Извлечение из отчета Председательствующего в отделении поддержания православия Н. М. Аничкова по осмотру им весной 1899 г. учебных заведений общества в Палестине и Сирии // СИППО 1899. № 11–12. С. 673.

для получения среднего и высшего образования в Россию⁶³. Последнее предложение в силу финансовых и организационных причин реализовать было слишком трудно.

Для того чтобы повысить квалификацию выпускниц Бейт-Джалльского пансиона, А. С. Петрова решила направить их на практику в мужскую школу в Назарете. Там юные учительницы могли ознакомиться с методикой ведения занятий выпускниками Назаретского пансиона и получить необходимый опыт. Это принесло желаемый результат. По завершении практики учительница Неми, по словам А. С. Петровой, стала вести занятия удовлетворительно.

Несмотря на то, что русская учительница весьма высоко оценивала знания и педагогические методы Назаретских пансионеров, выпускницы Бейт-Джалльского пансиона ей были ближе.

«Бейтджальских учительниц я люблю, — писала А. С. Петрова, <...> благодаря тому, что они выдержаны на диво, с ними не трудно возиться <...> Может быть я и ошибаюсь, но мне кажется, что арабские черты в их характерах не остались: они правдивы, искренни, в них я не замечаю желаний или стремления меня обмануть, надуть как-нибудь, сделать по-своему, с тем я билась, бьюсь частенько с другими учительницами»⁶⁴.

Сравнивая назаретских и бейт-джальских выпускников, А. С. Петрова отмечала, что за последними масса нравственных преимуществ.

«И не потому у мальчиков этот недочет, — писала А. С. Петрова, — (ч)то отсутствует А. Ив. Якубович, а потому, что Пансион в Назарете в руках арабов и влияние русских воспитателей парализуется властью Кезмы, во-первых. И отсутствием самостоятельности русских так сказать <...> Правда мальчики далеко превосходят девочек в преподавании: они самостоятельные <...> увлекательно занимаются своими предметами; но арабщина в них не искореняется ничуть, а только сверху прикрыта так сказать лоском русского влияния»⁶⁵.

По поводу чрезмерного арабского влияния в Назаретском пансионе В. Н. Хитрово не соглашался с А. С. Петровой, так как помимо двух арабских учителей там преподавали 6–7 русских.

63 Предметы, подлежащие обсуждению второго съезда педагогов, служащих в учебных заведениях Императорского православного палестинского общества // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО Оп. 873/1. Д. 438. Л. 104.

64 Письмо А. С. Петровой к Хитрово. 28 января 1899 // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 – 16 декабря 1899. Л. 58 об.

65 Письмо А. С. Петровой к В. Н. Хитрово. 25 октября. 1896. // АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 – 16 декабря 1899. Л. 41 об. – 42.

Весьма интересно, что А. С. Петрову так огорчало арабское влияние в учебном заведении, которое было устроено в Палестине, и где работали и обучались арабы. Причин такого отношения к «арабскому» было несколько. Русские учительницы, попадая в совершенно незнакомую и непривычную им климатическую, языковую и культурно-бытовую среду, оказывались не готовы к взаимодействию с православными арабами, которые зачастую представляли беднейшие слои населения. Хотя православных арабов и русских объединяла общая религия, их обычаи и нравы слишком отличались, не говоря уже о разнице в образовании и воспитании выпускниц русских гимназий, арабских крестьян и ремесленников, а также их жен и детей. Следует отметить, что далеко не все русские учительницы имели опыт преподавания в российских селах. Нередко они попадали на Восток сразу после окончания учебных заведений. В связи с этим общение с жителями арабских деревень (быт которых в это время еще напоминал средневековый) нередко вызывал у них «культурный» шок. Как бы то ни было, за годы службы русские учительницы нередко проникались симпатией к своим воспитанникам и арабским коллегам, с которыми их связывала искренняя дружба. Незадолго до окончания службы в ИППО, А. С. Петрова писала:

«Мне жаль будет уезжать вообще отсюда, да даже из Назарета, хотя особенно отрадного я здесь ничего не видела. Впрочем, неправда. Отрадное есть: это привязанность моих сослуживцев. Надо быть очень неблагодарной и мнительной, чтобы не сознаться в том, что они почти все меня любят. Балуют, берегут»⁶⁶.

Однако не все русские педагоги смогли адаптироваться к местной среде, найти взаимопонимание с местными учителями, привязаться к арабским детям и пользоваться их ответной симпатией. Об этом свидетельствуют слова известного русского востоковеда А. Е. Крымского, который писал о пренебрежительном отношении к арабам со стороны русских учительниц, преподававших в сирийском пансионе Эмили Сюрскок⁶⁷. О презрительном отношении русских учителей к своим арабским коллегам упоминал Дерек Хопвуд⁶⁸. Для большинства русских учительниц, особенно в начале их службы на Ближнем Востоке,

66 Письмо А. С. Петровой к В. Н. Хитрову. 12. Декабря 1898. // АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. 4 января 1895 – 16 декабря 1899. Л. 109 об.

67 *Крымский А. Е.* Письма из Ливана (1896–1898). М.: Наука, 1975. С. 98, 113, 81.

68 *Hopwood, Derek.* The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Clarendon Press Oxford 1969. P. 154.

«арабщина» являлась синонимом невежества и дикости. Свою же миссию они считали просветительской и цивилизаторской. Русские учительницы стремились облагородить арабских детей через приобщение их к русской культуре. Это приобщение имело как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, арабские девочки смогли получить в определенной мере европейское воспитание и образование, зарабатывать себе на жизнь и поддерживать свои семьи. С другой, проведя 6 лет в закрытом пансионе, они оказывались оторваны от своей привычной среды, и им труднее было выйти замуж. В связи с этим выпускницы Бейт-Джалльского пансиона нередко оставались одни, или, если им улыбалась удача, заключали браки с арабскими выпускниками российских учебных заведений, как Ханна Халяби. А в исключительном случае выходили замуж за русских, как Кульсум Наср Оде (К. В. Оде-Васильева).

Несмотря на то, что подготовка выпускниц Бейт-Джалльского пансиона не была поначалу обстоятельной, с их появлением качество образования в женских школах ИППО стало улучшаться. Поскольку с 1895 г. просветительская деятельность Общества расширилась на Сирию, где были открыты десятки школ, выпускники Семинарий направлялись не только в палестинские, но и сирийские школы ИППО.

В отличие от выпускников Назаретского пансиона, которые возглавляли мужские двухклассные школы Общества, выпускницы Бейт-Джалльской семинарии работали в основном под началом русских учительниц. При этом несколько выпускниц преподавали в самой Семинарии, другие отправлялись в женские двухклассные школы. Наряду с выпускниками Назаретского пансиона они могли возглавлять смешанные школы или руководить одноклассными женскими школами. То обстоятельство, что выпускниц Бейт-Джалльской семинарии не назначали на должность руководителей двухклассных женских школ, объяснялось рядом причин. Отчасти это было связано с уровнем их теоретической и практической подготовки, который был слабее, чем у выпускников Назаретского пансиона. Такие дисциплины, как Закон Божий, арифметика и арабский язык, выпускницы Бейт-Джалльской семинарии знали хуже, чем их коллеги из Назарета. Поскольку ученики и ученицы двухклассных школ Общества имели шанс поступить в учительские семинарии, они должны были получить хорошую подготовку по всем дисциплинам. У выпускниц Бейт-Джалльского пансиона вряд ли хватило бы навыков, чтобы самостоятельно управлять многолюдными двухклассными школами, а кроме того, участвовать в решении проблем, которые возникали у школ с местными

общинами, православным духовенством, а также местной османской администрацией. Отправить юную девушку на постоянное место работы и жительства в незнакомую деревню или город без сопровождения родственников Общество не могло. К тому же ей пришлось бы жить одной на съемной квартире, что было небезопасно и могло негативно отразиться на ее репутации. В отличие от молодых арабок русские учительницы в качестве руководителей школ вызвали большее доверие и уважение местных православных общин. Они жили в так называемых «общежитиях», а с ними, судя по всему, находились и арабские учительницы. Подобные общежития, которые называли «русским домом», существовали в Дамаске и ал-Мине⁶⁹.

В Палестине, помимо учебных заведений в Бейт-Джале и Назарете, русские учительницы преподавали в школах в Хайфе и Иерусалиме. Отличительной особенностью сирийских школ ИППО от палестинских было то, что в Палестине Обществу приходилось в основном арендовать помещения для учебных заведений и подбирать штат арабских учителей. Кроме того, Иерусалимское духовенство весьма настороженно относилось к просветительской деятельности Общества, нередко препятствуя организации новых школ. В Антиохийском патриархате церковные иерархи сами пригласили ИППО для того, чтобы русское Общество содействовало просвещению местного арабо-православного населения. В связи с этим местные православные иерархи передавали в ведение Палестинского общества уже существующие школы или предоставляли под них помещения.

Одной из первых сирийских школ, переданных Обществу в 1895 г., была Дамасская женская школа при Патриархии. В это время в Сирии находились в командировке А. И. Якубович и А. Г. Кезма, которые осмотрели школу и установили в ней основные порядки, принятые в учебных заведениях ИППО. Чуть позже в Дамаск прибыли русские учительницы О. И. Беленькова и Е. С. Иванова. До этого они некоторое время находились в Назарете, где познакомились с системой преподавания в местной женской школе. К тому времени, как О. И. Беленькова и Е. С. Иванова поступили в Дамасскую школу, им в помощь был направлен выпускник Назаретского пансиона Андрей Булос, который помог им наладить учебный процесс, общение с детьми и арабскими учительницами. Кроме того, русские педагоги взяли с собой выпускницу Назаретской

69 Кохманский Н. В. Отчет по командировке в Сирию для обследования вопроса о преобразовании школьной деятельности Палестинского Общества. (1910) // Грушевой А. Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке: архивные материалы и статья. СПб., 2016. С. 174

школы в качестве учительницы, с которой, вероятно, успели познакомиться в Палестине. Чуть позже в школу была направлена и выпускница Бейт-Джалльского пансиона. Остальной учительский персонал был представлен выпускницами местных сирийских школ.

Задачей русских учителей было прежде всего выстроить и направить учебный процесс. Поскольку самостоятельно преподавать они не могли, помощь им оказывала выпускница Бейт-Джалльского пансиона. Она же была назначена старшей арабской учительницей и занималась с другими арабскими коллегами, помогая им освоиться со школьной системой ИППО. Особенно плодотворно проходили занятия «бейтджалиотки» с выпускницей Назаретской школы, которая уже имела представление о том, как организовано обучение в школах Общества. Как и другие двухклассные школы ИППО, школа в Дамаске состояла из двух классов, разделенных на отделения и группы. Учительница, окончившая Назаретскую школу, преподавала в средней группе младшего класса. Другие арабские учительницы, окончившие местные начальные школы, преподавали в младшей группе и малолетнем отделении. Они с трудом осваивали новые методологические приемы, заставляли детей заучивать материал наизусть и грубо их наказывали. Кроме того, эти учительницы часто менялись и каждую новую приходилось обучать с нуля, особенно по Закону Божию и арифметике⁷⁰.

Постепенно работу школы удалось наладить. Об этом свидетельствует тот факт, что за год пребывания школы в ведении Общества, число учеников увеличилось с 200 до 320⁷¹. А. И. Якубович, внимательно наблюдавший за развитием учебного заведения, писал:

«Умение Русского учительского персонала сочетать строгие требования в отношении к чистоте, порядку и к исполнению детьми и арабскими учительницами своих обязанностей с искренней любовью к детям и с крайней отзывчивостью на все их нужды и в школе и вне школы, в особенности же заботы о бедняках и больных детях, — все это привязало и детей и население и к школе, и к ее руководительницам и способствовало постоянному возрастанию числа детей...»⁷².

70 Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества во второй половине 1896 – 1897 учебного года. (Из отчета инспектора школ Общества А. И. Якубовича) // СИППО 1897 (Октябрь). № 5. С. 550.

71 АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 393. (О Южно-Сирийских школах Общества). Июнь 1895 – 23 декабря 1896. Л. 80.

72 Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества во второй половине 1896 – 1897 учебного года. (Из отчета инспектора школ Общества А. И.

Существенную проблему Дамасской и других сирийских школ составляла частая смена русских педагогов. По мнению Н. М. Аничкова, данное обстоятельство было следствием отсутствия русскоязычного общения и особенностей житейской обстановки. Дома, которые отводились под школы, не были специально для этого предназначены. В некоторых сирийских городах из-за неблагоприятного климата случались частые лихорадки. Кроме того, русские учительницы долго не могли привыкнуть к арабской кухне. Неустойчивость состава зависела и от молодости лиц. Обществу приходилось брать выпускников. Девушки, уезжая в Сирию, надеялись скоро вернуться к родным, устроиться на работу, выйти замуж⁷³.

Помимо дамасской школы, русские учительницы преподавали и в других учебных заведениях Сирии: в ал-Мине, Триполи, Латакии, Бейруте. Сирийские школы были более многолюдными в сравнении с палестинскими, вследствие чего учительниц там было больше. Многие из них были выпускницами местных сирийских школ ввиду дефицита бейт-джальских учительниц.

В двухклассной женской школе в ал-Мине, открытой в 1897 г., обучалось более 400 детей. Согласно отчету помощника инспектора сирийских школ Д. Ф. Богданова, в учебном заведении было 2 класса, 4 группы в 7 отделениях и два отделения для малолетних⁷⁴. Начальницей школы стала О. И. Беленькова, которая перевелась туда из Дамаска. Подобно своим коллегам А. М. Зайцевой и А. Ф. Юдиной, О. И. Беленькова получила образование в Покровской женской гимназии С.-Петербурга. А. Шведова, которая также преподавала в ал-Минской школе, окончила С.-Петербургскую учительскую семинарию. Вместе с русскими педагогами в школе преподавали две выпускницы Бейт-Джальского пансиона: М. Хазбун и В. Халеби, а также 7 помощниц-арабов, которые окончили Бейрутскую школу М. А. Черкасовой, Бейрутский пансион Э. Сюрсок, православную триполийскую школу и местные протестантские школы⁷⁵. Наладить работу такого большого коллектива было весьма сложной задачей, которую предстояло решить начальнице школы. Однако О. И. Беленькова обладала весьма сложным характером. Помощник инспектора сирийских школ Д. Ф. Богданов писал о ней следующее:

Якубовича) // СИППО. 1897 (Октябрь). № 5. С. 548.

73 См. Извлечение из отчета Председательствующего в отделении поддержания православия Н. М. Аничкова по осмотру им весной 1899 г. учебных заведений общества в Палестине и Сирии // СИППО. 1899. № 11–12. С. 674.

74 Статистический отчет по Северо-Сирийским учебным заведениям ИППО за 1897–98 гг./АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 409. Л. 80.

75 Там же. Л. 83

«В лице О. И. Беленьковой мы получили человека, желающего работать, но слишком нервного темперамента, с сильною склонностью к самовластию и высокомерному обращению ко всему местному. Резкие замечания и окрики на учительниц при детях, третирование их с высока, обременение работой, которую можно было бы облегчить без вреда для дела, все это составляет повседневный обиход школы»⁷⁶. При этом добавляя, что «по счастливому стечению обстоятельств здешние учительницы — народ тихий, почти безответный. Единственный протест с их стороны — отказ от службы...»⁷⁷.

Важно отметить, что у О. И. Беленьковой сложно складывались отношения не только с арабскими, но и с русскими учительницами. Так, А. Шведова жаловалась инспектору на то, что О. И. Беленькова придирается к ней и унижает при детях. В связи с этим она была готова оставить службу и вернуться в Петербург⁷⁸. Несмотря на трудности взаимопонимания, О. И. Беленькова хорошо знала цену арабским учительницам и переживала за то, что они могут оставить школу из-за низкого жалования. По этому поводу Д. Ф. Богданов писал в Совет ИППО:

«Принимая во внимание трудность нашей работы, осложненную в женской школе суровостью и подчас произволом в служебных отношениях, нужно признать, что плата за труд арабским учительницам слишком недостаточна и сама по себе представляет мало привлекательного для последних. Нужно прибавить: уйдут учительницы — придется доставать новых из Бейрута, а оттуда за дешевую плату все равно не приедут»⁷⁹.

Несмотря на то, что со временем взаимоотношения в ал-Минской школе стали мягче, некоторые русские учительницы ушли в другие учебные заведения. Так, к примеру, А. Ф. Юдина возглавила женскую школу в Триполи. В ее подчинении находились 6 арабских учительниц, с которыми у нее были напряженные отношения⁸⁰. В. Д. Соколова, поступившая учительницей в Триполийскую школу, писала, что внешне учебное заведение производило благоприятное впечатление. Однако неделя,

76 Отчет помощника инспектора по северосирийским школам Общества 1897–98 гг. (за первую треть, сентябрь–декабрь) / АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 409. (О Северо-Сирийских школах общества). 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 73 об.

77 Там же. Л. 74 об.

78 Письмо А. Шведовой к Д. Ф. Богданову. 8 октября 1898 // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1 Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899 г. Л. 107.

79 Письмо Д. Ф. Богданова к В. Н. Хитрово. 6 марта 1898 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1 Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 87.

80 Список сотрудников школ и инспекции ИППО в Северной Сирии // АВПРИ. Ф. 208 Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 276. 1898. Л. 74–76.

проведенная там, повергла учительниц в уныние. «Дисциплины там не существовало», — отмечала В. Д. Соколова⁸¹. Дети дерзили и не слушались, угрожая в случае чего уйти к католикам. Арабские учительницы «по своей грубости и нерадивости» отказывались повиноваться, не являлись в форме, опаздывали на дежурство, половина из них была почти безграмотна. Очевидно, что В. Д. Соколова имела в виду местных учительниц, которые уже преподавали в этой школе и отнюдь не были рады ломке старых порядков. Вместе с тем В. Д. Соколова отмечала, что русским педагогам во многом помогали бейт-джальские учительницы. Несмотря на то, что выпускницы Пансиона неважно знали литературный арабский язык, они обладали запасом методических знаний, что облегчало им преподавание.

Во второй половине 1890-х гг. служебная иерархия в женских двухклассных школах ИППО вполне сформировалась и выглядела следующим образом: на вершине ее находилась русская начальница школы, которая занималась административной работой, руководила учебным процессом и иногда преподавала, далее располагались одна или несколько русских учительниц, которые вели русский язык, иногда Закон Божий и рукоделие. В центре иерархии находились одна или две бейт-джальские выпускницы, которые преподавали основной спектр дисциплин в младшем и старшем классах, а также помогали вести уроки русским учительницам. Ниже располагались выпускницы двухклассных школ ИППО. Они, а также учительницы, окончившие местные греко-православные или инославные школы (последние находились в самом низу иерархии), занимались, как правило, с детьми дошкольного возраста, т. е., по сути, были воспитателями в саду и яслях, которые находились при школах. Вместе с тем они могли преподавать в младших группах малолетнего отделения под присмотром бейт-джальских учительниц, которые помогали им готовиться к урокам. Таким образом, бейт-джальские выпускницы выполняли функцию посредников между русскими учительницами и арабскими учениками, их родителями, местным населением, а также другими арабскими учителями (не владевшими русским языком), которым они помогали интегрироваться в учебную систему ИППО.

81 Письмо В. Д. Соколовой к В. Н. Хитрово. 22 декабря 1898 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 — 22 декабря 1899. Л. 131.

Школьные инспекторы и учителя женских школ ИППО

Несмотря на то, что отношения в школьных коллективах не всегда складывались просто, русские учителя ценили труд своих арабских коллег. Хорошо понимали ценность арабских сотрудников и школьные инспекторы. С помощью своих арабских секретарей и учителей, окончивших Назаретский пансион, инспекторы контролировали учебный процесс в школах, общались с учителями, учениками и местными жителями, вникая во все детали школьной жизни. В отличие от русских учительниц и инспекторов школ ИППО, служивших непосредственно на Ближнем Востоке, члены Совета общества в Петербурге далеко не всегда представляли, какую роль арабские учительницы играют в осуществлении учебного процесса. Так, в 1898 г. Совет общества распорядился сократить штат арабских учителей в Дамасской и ал-Минской женских школах ввиду того, что там преподавали русские. Инспектор сирийских школ Д. Ф. Богданов, который знал специфику местного школьного дела, писал:

«Распоряжение Общества о числе учительниц для Дамасской и аль-Минской школ нельзя привести в исполнение. Начальницу и русских учительниц нельзя принимать в расчет при вычислении необходимого для школ количества учительниц. Язык преподавания — арабский. Русские учительницы являются специальными преподавательницами русского языка и руководительницами школы. Закон Божий, арабский язык, арифметику они не могут преподавать сами и потому не могут вести одной определенной группы. Уменьшить число арабских учительниц, особенно до предела, указанного обществом, значит сорвать школу — надорвать и заставить растеряться учительниц от непосильной работы, распустить детей и в успехах, и в поведении. Обе начальницы, с которыми мне пришлось говорить еще в прошлый год, уменьшение числа арабских учительниц совершенно признавали невозможным...»⁸².

В то же время без русских учителей, которые контролировали и направляли учебный процесс, двухклассным женским школам обойтись было трудно. В 1907 г. Совет общества решил полностью сократить русский штат в Латакийской школе, а ее начальницу М. Н. Трапезникову перевести в Дамаск⁸³. Инспектор северосирийских школ И. И. Спас-

82 Письмо Д. Ф. Богданова к В. Н. Хитрово. 6 сентября 1898 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 — 22 декабря 1899. Л. 103 об.

83 Из препроводительной записки И. И. Спасского в Совет ИППО от 8 августа 1907 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 416. (О Северо-Сирийских школах Общества). 14

ский сожалел о подобном решении Общества, полагая, что Латакийский митрополит Арсений и его паства с огорчением воспримут это известие.

«Латакийская женская школа, — писал И. И. Спасский, — до последнего времени поставляла для северосирийских школ учительниц, всегда отличающихся деловитостью и усердием <...> С закрытием русского штата школа без сомнения падет, так что она не в состоянии будет давать таких учительниц. Вследствие этого инспекция оказывается в затруднении при замещении учительских мест...»⁸⁴.

Сокращение русского штата в Латакийской школе, вероятно, было связано с финансовыми трудностями в Обществе и в целом тяжелым экономическим положением в стране после русско-японской войны. По тем же причинам в Обществе полагали целесообразным заменять оставившую службу русскую учительницу, (которая не руководила школой), выпускницей Бейт-Джалского пансиона. Бейт-Джалские учительницы могли читать весь спектр дисциплин, знали русский и арабский языки. Они обходились дешевле русских учительниц, которые не знали арабского языка и редко служили в сирийских школах долго. В то же время русские начальницы далеко не всегда возражали против такой замены. Поладить с арабскими учительницами, которые охотно подчинялись воле своего начальства, бывало, проще, чем со своими соотечественниками. Известно, что начальница Дамасской школы Е. А. Лемпорт не смогла сработаться со своей подчиненной А. Н. Моренец, ввиду ее «недозволительного поведения» на службе и в личной жизни⁸⁵. В итоге А. Н. Моренец была уволена, а на ее место взята выпускница бейрутской школы М. А. Черкасовой Эмилия Смат, которая 15 лет служила в школах Общества. По состоянию здоровья она была вынуждена оставить службу в ИППО на несколько лет. В это время она продолжала усердно заниматься дома, стараясь восполнить пробелы в подготовке⁸⁶. Поправив свое здоровье, она обратилась к Д. Ф. Богданову с просьбой снова взять ее на службу. Поскольку Э. Смат находилась на хорошем счету у Общества, ее приняли обратно.

В большинстве своем школьные инспекторы глубоко вникали в проблемы и нужды арабских учителей, стараясь оказать им какую-либо

января 1906 — 10 декабря 1907. Л. 182.

84 Там же. Л. 185 об. — 186.

85 Донесение Д. Ф. Богданова в Совет Общества от 12/VI 1904 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИПО. Оп. 873/1. Д. 398. 3 января 1904 — 14 декабря 1904. Л. 41–42.

86 Донесение Д. Ф. Богданова в Совет О-ва от 5/III 1904 // АВПРИ. Ф. 337/2 РИПО. Оп. 873/1. Д. 398. 3 января 1904 — 14 декабря 1904. Л. 30 об.

помощь. Инспектор южносирийских школ Н. М. Богоявленский ходатайствовал перед Советом общества о том, чтобы принять на службу Фросю Халяби. Она была сестрой Ханны Халяби, которая долгое время «беспорочно» работала в школах ИППО, но была вынуждена оставить службу из-за предстоящего замужества. Семья девушек пребывала в нужде и Фросе необходимо было выйти на работу. Девочка окончила одну из двухклассных школ Общества и свободно говорила на русском языке. Вследствие этого Н. М. Богоявленский просил не оставлять семью Ханны и Фроси Халяби без поддержки и взять последнюю учительницей в одну из школ⁸⁷.

Помимо финансовой поддержки и помощи в трудоустройстве, инспекторы оказывали арабским учителям методическое содействие через выпускников Назаретской семинарии. Они наблюдали и корректировали работу учительниц, не являвшихся выпускницами Бейт-Джалльского пансиона, в одноклассных школах и оповещали инспекторов о состоянии учебного дела. Вместе с тем инспекторы периодически созывали педагогические съезды. Подобные собрания проводил инспектор северосирийских школ И. И. Спасский. Учителя собирались в каникулярное или праздничное время в ал-Мине, где находилась инспекция. Во время съездов разбирались вопросы, связанные с организацией учебного процесса, педагогическими методами, посещаемостью школ учениками. Кроме того, учителям предлагалось посетить школу в ал-Мине, чтобы ознакомиться с постановкой учебного дела. Она находилась под постоянным присмотром инспектора и являлась в некотором роде «образцовой» для школ ИППО в Северной Сирии. Для того чтобы лучше контролировать качество учебно-воспитательного процесса в школах, инспекторы (или их помощники) с секретарями-арабами несколько раз в год посещали учебные заведения своей инспекции, давая необходимые рекомендации учителям⁸⁸.

87 Приложение к донесению Н. Богоявленского и. д. инспектора по южносирийским школам в Общество от 21 августа 1904 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 398. 3 января 1904 – 14 декабря 1904. Л. 93–94.

88 Препроводительная записка И. И. Спасского в Совет общества от 26 V 1907 г. за № 69 к донесениям // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 416 (О Северо-Сирийских школах Общества). 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Д. 416. Л. 144.

Бейрутские школы ИППО: М. А. Черкасова и ее арабские учительницы

Модель русско-арабского профессионального взаимодействия, при которой бейт-джальские выпускницы являлись помощницами русских и наставницами арабских учительниц, сложилась во всех двухклассных школах Общества за исключением бейрутских школ, которыми руководила Мария Александровна Черкасова. Многочисленный преподавательский штат в ее школах состоял из арабских учительниц, которых она сама подготовила⁸⁹. При этом М. А. Черкасова была единственным русским педагогом в основанных ею учебных заведениях. Лишенная общения с соотечественниками (М. А. Черкасова не желала присутствия другой русской учительницы и имела натянутые отношения со школьными инспекторами), она быстро освоила арабский язык. Это знание позволило ей самостоятельно вести уроки, а кроме того, наладить отношения с арабскими детьми, их родителями и местным населением. М. А. Черкасова сама следила за учебным процессом в школах, собирала у себя еженедельно всех учительниц «и руководила собеседованием по интересующим их педагогическим вопросам»⁹⁰.

Особо близкие отношения у М. А. Черкасовой сложились с учительницей Афиной Абдо, которая была ее главной помощницей. Помимо Афины, в русских школах в Бейруте также преподавали ее сестры, а их отец служил экономом. Чрезмерная близость М. А. Черкасовой с семейством Абдо не нравилась Обществу. Особенно смущало ее намерение передать впоследствии руководство школами Афине, что считалось недопустимым. Тем не менее сенатор Н. М. Аничков, который инспектировал школы Общества в 1899 г. (в это время в 5 бейрутских школах ИППО обучалось 852 ученика)⁹¹ ставил в заслугу М. А. Черкасовой умение общаться с детьми и учительским персоналом. Сенатор отмечал:

«В Бейрутских школах особенно любовно относятся к детям, и потому все они привязаны к школе и любят Марию Александровну»⁹². Кроме того, учи-

89 АВПРИ. Ф. 208 Консульств в Бейруте. Оп. 819. Д. 286 (Школы М. А. Черкасовой). 1906–1914. Л. 4.

90 АВПРИ. Ф. 208 Консульств в Бейруте. Оп. 819. Д. 286 (Школы М. А. Черкасовой). 1906–1914. Л. 5.

91 Извлечение из отчета Председательствующего в отделении поддержания православия Н. М. Аничкова по осмотру им весной 1899 г. учебных заведений общества в Палестине и Сирии // СИППО. 1899. № 11–12. С. 675.

92 Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета общества Н. М. Аничкова. Часть 1. Учебные

тельница пользовалась заслуженным уважением у местного православного арабского населения. Н. М. Аничкову повсюду «приходилось слышать, что сирийские семейства, а особенно матери, крайне довольны таким воспитанием своих дочерей и очень ценят труды почтенной М. А. Черкасовой»⁹³.

Современники М. А. Черкасовой отмечали, что особенно высоко в школе было поставлено обучение Закону Божию. Преподавание же таких предметов как русский язык, математика в бейрутских школах ИППО шло не слишком успешно. Причиной тому было ее нежелание четко следовать программам и учебным инструкциям Общества, а также негативное отношение к инспекторскому контролю. О порядках, установленных в школах М. А. Черкасовой и ее взглядах на свое педагогическое призвание, весьма резко отзывался секретарь ИППО А. А. Дмитриевский, который посетил школы ИППО в 1910 г. Его критика касалась взаимоотношений М. А. Черкасовой с Афилой Абдо, выбора учительниц, специфических методов преподавания, а также школьной обстановки⁹⁴. Вместе с тем А. А. Дмитриевский отмечал и положительные явления, присутствовавшие в школах М. А. Черкасовой. В частности, он хорошо отзывался о профессиональных качествах Асмы Абдо и Луизы Хамдуни, которые, по его мнению, представляли «главные педагогические силы» школ в Бейруте, а кроме того, хорошо владели русским языком⁹⁵. Хотя педагогические методы М. А. Черкасовой не раз критиковались, ее вклад в религиозное просвещение и благочестивое воспитание сирийских девочек был бесспорным. Об этом свидетельствуют строки, посвященные М. А. Черкасовой в связи с 25-летием ее службы в школах Общества:

Мария Александровна известна «не только в Бейруте, но и далеко за пределами его в Сирии и Палестине, где многочисленные ученики ее разносят славу и вполне заслуженную своей бывшей любимой начальнице, 25 лет протрудившейся на тяжелом педагогическом поприще, вкладывая столько любви и знания в дело просвещения сирийцев,

заведения Сирии и Иудеи. СПб., 1901. С. 138.

93 Извлечение из отчета Председательствующего в отделении поддержания православия Н. М. Аничкова по осмотру им весной 1899 г. учебных заведений общества в Палестине и Сирии. // СИППО. 1899. № 11–12. С. 683.

94 См. *Дмитриевский А. А.* Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Машинописная копия без титульного листа, места и даты из АВПРИ ИДД МИД РФ. Публикатор Лисовой Н. Н. // Палестинское общество и русские школы на Востоке. / Под редакцией Лисовой Н. Н. СПб., 2014. С. 299.

95 Там же. С. 304–305.

научая их хранить и крепко держаться святого православия, что далеко нелегко тут, принимая во внимание сильную католическую и протестантскую пропаганду. Кроме нравственной и духовной стороны ее деятельность носит и политический характер, и, как совершенно справедливо сказал митрополит Герасим, дети, воспитанные М. А. Черкасовой, научились любить и уважать великую православную Россию»⁹⁶.

Русско-арабские отношения в Бейт-Джалльской семинарии при Е. И. Голубевой

Елизавета Ивановна Голубева была одной из немногих русских учительниц в школах ИППО, получивших высшее образование. Она окончила Высшие женские курсы в Петербурге и начинала свою службу в Обществе с руководства двухклассной школой в Иерусалиме, открытой в 1898 г. Как и в других учебных заведениях ИППО подобного типа, в Иерусалимской школе преподавали выпускницы Бейт-Джалльского пансиона, которые оказывали всяческое содействие своей русской начальнице. В начале 1900-х гг. под руководством Е. И. Голубевой преподавали Пелагея Дафешь и Мариам Оде Кассис, которые впоследствии стали одними из лучших педагогов в школах ИППО. Они преподавали большинство дисциплин и писали обстоятельные отчеты о своей работе на хорошем русском языке. Русская начальница ценила труд своих помощниц и относилась к ним с уважением. После того, как Е. И. Голубеву в 1903 г. назначили руководительницей Бейт-Джалльского пансиона, М. Кассис отправилась вместе с ней, что говорит о теплых взаимоотношениях, сложившихся между ними.

После благополучного 10-летия под управлением Е. М. Таракановой, Пансион в начале 1900-х пришел в некоторый упадок. Е. И. Голубевой пришлось приложить немало усилий для его дальнейшего развития. Успешному функционированию Пансиона содействовали обстоятельная учебная программа, которая была расширена в 1912 г. Сама же Семинария была преобразована из трехклассной в шестиклассную. Согласно сведениям за 1912 г., список дисциплин в Бейт-Джалльском пансионе включал: Закон Божий, английский язык, французский язык, русский язык, арабский язык, арифметику, историю, географию, естествознание, методику русского языка, методику арифметики, педагогику,

чистописание, рукоделие, чтение⁹⁷. В Пансионе преподавали опытные арабские и русские педагоги: Е. И. Голубева, Е. А. Лемпорт, М. А. Петрова, Е. С. Румман, А. Г. Уахбе⁹⁸. Некоторые из них работали также и в Бейт-Джалльской школе, что позволило поддержать систему преемственности между двумя учебными заведениями. В связи с этим уровень воспитания, поступавших в Пансион учениц, стал намного выше, о чем Е. И. Голубева сообщала в своих отчетах.⁹⁹ Сама начальница по мере возможности содействовала улучшению бытовых условий в Пансионе и углублению учебного процесса. Благодаря ее усилиям, в Пансионе появился физический кабинет, вследствие чего знания девочек в области естествознания существенно расширились.

Несмотря на положительные изменения в работе Пансиона, эффективной реализации учебно-воспитательного процесса мешали сложные взаимоотношения в коллективе. Об этом свидетельствуют слова А. А. Дмитриевского, посетившего Бейт-Джалльскую семинарию в 1910 г. Причиной тому он считал душевные качества и манеру поведения русских педагогов и прежде всего начальницы Пансиона.

«Елизавета Ивановна, — пишет А. А. Дмитриевский, — очутившись <...> во главе среднего учебного заведения в Бейт-Джале <...> сразу же новую для нее педагогическую семью резко поделила на две партии: на единомышленников, и потому любимцев, и нелюбимцев не солидарных с нею». В связи с этим «в семье бет-джальских учительниц, живущих под одной кровлей и пользующихся общим столом, установились холодные, натянутые отношения друг к другу, делавшие жизнь здесь крайне тяжелой и даже невыносимой для учительниц, для правильной постановки воспитательного и учебного дела в школе крайне вредной»¹⁰⁰. При этом симпатии и антипатии Е. И. Голубевой, по словам А. А. Дмитриевского, распространялись не только на русских, но и арабских учительниц, «среди которых наиболее покладистые, льстивые и услужливые,

97 Протокол № 2 заседания педагогического совета Бейт-Джалльской школы и женской учительской семинарии от 15 октября 1912 г. // АВПРИ Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1 Д. 385 (О Бет-Джалльской женской учительской семинарии и иудейских школах общества). 1912–1913. Л. 30.

98 Там же. Л. 24.

99 Бейт-Джалльская учительская семинария И. П. Палестинского общества в 1906–1908 гг. Из отчета начальницы Е. И. Голубевой. // СИППО. Т. 20. 1909. Вып. III. С. 432.

100 Дмитриевский А. А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Машинописная копия без титульного листа, места и даты из АВПРИ ИДД МИД РФ. Публикатор Лисовой Н. Н. // Палестинское общество и русские школы на Востоке. / Под редакцией Лисовой Н. Н. СПб., 2014. С. 317.

хотя бы они и были с малыми педагогическими талантами, всячески поддерживались и привилегировались Е. И. Голубевой, тогда как даровитые, но более самостоятельные и держащие себя с подобающим достоинством подвергались удалению из семинарии»¹⁰¹.

В подтверждение своих слов А. А. Дмитриевский пишет о «весьма толковом педагоге» М. Оде Кассис, которая по неясным для Общества причинам в 1910 г. была переведена в Хайфскую школу. В Пансионе же ее заменила Мария Кафатти. Она владела русским языком не хуже М. Кассис, но «в смысле практической выдержки» значительно уступала последней¹⁰². Другим недостатком Е. И. Голубевой, по словам А. А. Дмитриевского, было то, что она не обладала драгоценным даром для начальницы — чувством материнства.

«А посему, и по отношению к ученицам у нее нет естественной задушевной сердечности: она всегда в своих отношениях с ними формальна, холодна, и ученицы платят ей тем же: они боятся своей начальницы и не питают к ней особых симпатий»¹⁰³.

Вместе с тем Е. И. Голубева и ее русские подчиненные почти не бывали на арабских богослужениях. Начальница Пансиона объясняла это тем, что привыкла молиться в русском храме, а арабского языка и арабского пения в храме она не понимала. В связи с этим члены проверяющей комиссии указали ей на то, что игнорирование арабского богослужения начальницей и ее русскими сотрудницами туземным населением может быть истолковано в смысле религиозного индифферентизма или пренебрежения к языку, на котором ведется богослужение¹⁰⁴.

Учебно-воспитательное дело в Пансионе А. А. Дмитриевский также оценивал не слишком высоко. Начальница преподавала историю, арифметику и алгебру в старшем классе. На этих уроках «чувствовались холодный формализм, натянутость и отсутствие сердечных, открытых отношений между начальницей и ученицами»¹⁰⁵. Вместе с тем он нелестно отзывался о педагогических способностях других русских учителей. В частности, Е. Н. Шарлова, по мнению А. А. Дмитриевского, предъявляла излишние требования к ученицам относительно теоретических знаний в русском языке. Кроме того, она мало внимания

101 Там же.

102 Там же. С. 318.

103 Там же.

104 Там же. С. 319.

105 Там же. С. 321.

уделяла практическим работам: пересказам и передаче смысла прочитанных текстов. Учительница Т. Г. Кульжинская хорошо относилась к детям, но была неопытной. В Пансионе она должна была преподавать русский язык, но вместо этого ей поручили вести арифметику, физику, алгебру и географию. Поскольку учительница плохо знала эти дисциплины, она усердно готовилась к урокам, обращалась за помощью к русским и арабским коллегам. Несмотря на это, Т. Г. Кульжинская так и не смогла качественно вести уроки, в результате чего потеряла свой авторитет¹⁰⁶. Как педагога А. А. Дмитриевский высоко ценил Е. А. Лемпорт. Хотя она получила образование в средней школе, ей удалось стать хорошим учителем. Кроме того, у нее было доброе отзывчивое сердце, вследствие чего она пользовалась уважением и любовью учениц¹⁰⁷. Она руководила педпрактикой бейт-джальских воспитанниц в Образцовой школе и преподавала педагогику в Пансионе. В лице Е. А. Лемпорт Е. И. Голубева нашла помощницу в педагогических вопросах. Инспектор галилейских школ ИППО П. И. Ряжский характеризовал Е. А. Лемпорт следующим образом:

«Елена Лемпорт <...> к своим обязанностям <...> всегда относилась в высшей степени добросовестно, лучше других наших учительниц знает арабский язык, хорошо умеет руководить подчиненными ей арабскими учительницами, учительницами-практикантками и держать образцовую семинарскую школу в должном порядке»¹⁰⁸.

По мнению А. А. Дмитриевского, она вполне могла руководить Пансионом, если бы не ее слабое здоровье.

Следует отметить, что кроме Е. А. Лемпорт и М. А. Черкасовой арабским языком в той или иной мере владели еще несколько русских учительниц. В отличие от педагогов мужчин, среди которых встречались востоковеды, изучавшие арабский язык в российских вузах, русские учительницы осваивали его практическим путем непосредственно на Ближнем Востоке. Так, объясняться на арабском могли М. С. Савельева и Е. М. Тараканова¹⁰⁹, обстоятельно занималась арабским языком учитель-

106 Там же. С. 322.

107 Там же. С. 325.

108 Письмо его Сиятельству Вице-председателю ИППО князю Алексею Александровичу Ширинскому-Шихматову, 28 февраля 1912 г. Иерусалим. От инспектора Палестинских учебных заведений и управляющего подворьями. / АВПРИ Ф. 337/ 2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 385. 1912–1913. Л. 2 об. — 3

109 Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета общества Н. М. Аничкова. Часть I. Учебные

ница Бейт-Джальского пансиона М. М. Измайлова, которая впоследствии изучала его диалекты в Средней Азии. Освоила ли арабский язык Е. И. Голубева, которая руководила Пансионом до 1913 г., — неизвестно.

Помимо Бейт-Джальского пансиона и Образцовой школы, в ведении Е. И. Голубевой находились учебные заведения в Бейт-Сахуре и Вифлееме. Однако за ними, по мнению А. А. Дмитриевского, она недостаточно внимательно следила и редко их посещала. Е. И. Голубева оставляла эти учебные заведения в руках не всегда достойных избранниц, поэтому школы были не выше заурядных сельских.

В то же время А. А. Дмитриевский с похвалой отзывался о хозяйственных способностях Е. И. Голубевой, благодаря которой в Пансионе царил порядок, двор был полон зелени, а стол воспитанниц питателен и разнообразен¹¹⁰. Следует предположить, что А. А. Дмитриевский за время своего визита в Палестину в 1910 г. не мог детально вникнуть в дела Пансиона, а особенно специфику взаимоотношений в его коллективе. Как секретарь Общества, он, несомненно, знакомился с отчетами по иудейским учебным заведениям, которые отправлялись в Совет общества Е. И. Голубевой, а также П. И. Рязским. Согласно архивным материалам, Бейт-Джальский пансион наряду с другими учебными заведениями ИППО в Иудейском округе в 1911 г. был подчинен инспектору П. И. Рязскому,¹¹¹ (одному из самых влиятельных сотрудников Общества на Ближнем Востоке)¹¹². Следует предположить, что этот факт отрицательно был воспринят Е. И. Голубевой, которая в течение 8 лет была начальницей данных учебных заведений. Будучи инспектором, П. И. Рязский получил возможность вмешиваться в дела Пансиона и контролировать учебно-воспитательный процесс, качеством которого он не всегда был доволен. В частности, в 1912 г. инспектор сообщил в Совет общества об ухудшении знания русского языка среди воспитанниц.

По мнению инспектора, «беглость, богатство и правильность русской речи у воспитанниц находится в большой зависимости от степени близости русских учительниц к ученицам и числа первых. Недостаток

заведения Сирии и Иудеи. СПб.: Типография Киришбаума 1901. С. 279

110 Дмитриевский А. А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества ... С. 327.

111 Отношение канцелярии ИППО к Е. И. Голубевой от 19 января 1911 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 384. Л. 87 – 88 об.

112 Федотов П. В. Галилейский учебный округ Императорского православного палестинского общества в 1892–1914-х гг.: русские сотрудники школьной инспекции. Былые годы. // Российский исторический журнал. 2020. № 57 (3). 2020. С. 1313.

одной русской учительницы сказывается переутомлением других на дежурствах, а это обстоятельство, без сомнения, вредно влияет на общительность самих русских учительниц и расхолаживает отношение к ним учениц»¹¹³.

Следовательно, причину дистанцирования русских учительниц от арабских учениц П. И. Ряжский видел в переутомлении и дефиците педагогических кадров. Можно предположить, что проблемы в русско-арабских отношениях в Пансионе возникали в том числе вследствие профессионального «выгорания», случавшегося у русских учительниц из-за усталости, болезней и недомоганий, длительного нервного перенапряжения, желания вернуться на родину. Именно этим можно объяснить отстраненность от арабов, желание чаще бывать в русскоязычной среде, неспособность обстоятельно вести дело, о которых упоминал А. А. Дмитриевский. В личной беседе с П. И. Ряжским Е. И. Голубева сообщила, что «оставаться на службе в Палестине до старости она никогда не предполагала и не предполагает и поэтому, чем скорее она перейдет на службу в Россию, тем для нее будет лучше <...> Что же касается Палестины, то служба здесь ее перестала удовлетворять, стала для нее тяжелой и потянуло на родину»¹¹⁴.

Однако в письме вице-председателю ИППО А. А. Ширинскому-Шихматову Е. И. Голубева указала другую причину ухода со службы, которая заключалась в разногласиях с П. И. Ряжским, а также постоянным вмешательством в его служебные дела Багии Фарах, которая имела на инспектора большое влияние. Б. Фарах окончила Бейт-Джалский пансион, а затем поступила на службу в школы Общества. По словам Е. И. Голубевой, она сыграла «некрасивую» роль в увольнении со службы начальницы Назаретской школы Е. Н. Каковиной, личности «всеми здесь уважаемой»¹¹⁵.

«Зная это ее влияние на господина Ряжского, — пишет Е. И. Голубева, — многие учительницы-туземки заискивают перед нею, так как они, по мало-культурности не стойки в своих нравственных убеждениях, особенно, когда дело касается их благополучия. Некоторые из них позволяют себе помимо меня обращаться к господину инспектору непосредственно или же через Багие

113 Письмо П. И. Ряжского в канцелярию Императорского Православного Палестинского общества. 1 февраля 1912/ АВПРИ. Ф. 337/ 2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 385. Л. 34 – 34 об.

114 Письмо П. И. Ряжского к князю А. А. Ширинскому-Шихматову. 12 февраля 1913 г.// АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 385. Л. 79 – 79 об.

115 Письмо Е. И. Голубевой А. А. Ширинскому-Шихматову. 4 марта 1913 г.// АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 385. Л. 97 об.

Фарах, и господин Рязжский смотрит на это, как на явление нормальное. Те же учительницы, которые сторонятся ее, чувствуют себя как-то беспокойно, неуверенно. Все это, вместе взятое нарушает служебную дисциплину, деморализует учительниц, портит мне отношения с ними и ставит меня в фальшивое положение. Ко мне г-н Рязжский относится весьма недоброжелательно...»¹¹⁶.

Как видно, арабские учительницы нередко пользовались большим доверием русских инспекторов и учителей. Вспомнить хотя бы Афифу Абдо, которая не желала появления русской учительницы в бейрутских школах, чтобы не делить с ней внимание М. А. Черкасовой. Или же родственницу заведующего амбулаторией в Дамаске доктора Халяби Елену, которая близко общалась с начальницей Назаретской школы Е. М. Алексеевой. По сообщениям П. И. Рязжского, она наряду с Е. М. Алексеевой управляла школой и позволяла себе делать распоряжения и выговоры другим учительницам¹¹⁷. В то же время Багия Фарах, общаясь с арабскими учительницами в Пансионе, могла сообщать инспектору об их недовольстве начальницей. Все это негативно отражалось на взаимоотношениях в коллективе, а также учебном процессе.

Что касается отношения Е. И. Голубевой к арабам, вполне уместно вспомнить слова К. В. Оде-Васильевой, которая окончила Бейт-Джалский пансион и была одной из лучших учениц в своем классе. В своих воспоминаниях она писала о заботе русских учителей, которые внушали воспитанницам чувство гордости за их родину и славное историческое прошлое арабов. Сама же Е. И. Голубева стремилась привить воспитанницам любовь к арабскому языку, литературе и народу.

«Она нашла возможным изучить историю халифата и прочесть нам двухгодичный курс по этому предмету. И вот спустя более полувека я склоняю голову и преклоняю колено перед ее памятью», — писала К. В. Оде-Васильева¹¹⁸.

Таким образом, русско-арабское профессиональное взаимодействие в женских школах ИППО в своем развитии прошло несколько этапов. Первые попытки наладить сотрудничество между русскими и православными арабами в учебных заведениях относятся к середине 1880-х гг., когда Общество открыло в Палестине свои первые женские школы. Русские учительницы, приезжавшие на Ближний Восток,

116 Там же. Л. 97 об.— 98.

117 Письмо П. И. Рязжского к А. А. Ширинскому-Шихматову. 7 октября 1913 г. // АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 385. Л. 144.

118 *Оде-Васильева К. В.* Взгляд в прошлое // Палестинский сборник. М.-Л., 1965. Вып. 13 (76). С. 176.

не знали арабского языка, не могли общаться с местными жителями и преподавать. Им в помощь были направлены учительницы-арабки, окончившие местные начальные школы и владеющие в той или иной мере французским языком, посредством которого осуществлялась русско-арабская коммуникация. Несмотря на то, что арабские учительницы имели слабую подготовку и не были знакомы с современными методами преподавания, они помогли русским учителям организовать школы и запустить учебный процесс.

В начале 90-х гг. модель русско-арабского сотрудничества в женских школах претерпела изменения. Первые выпускники Назаретской мужской учительской семинарии были направлены на педпрактику, которую они проходили не только в мужской школе Назарета, но и в женских двухклассных школах, помогая русским учительницам в общении с детьми и арабскими коллегами, не владеющими русским языком. Однако практиканты постоянно менялись, что затрудняло работу учебных заведений. Проблема русско-арабской коммуникации и профессионального взаимодействия в женских школах Общества существенно упростилась во второй половине 1890-х гг. с первыми выпусками Бейт-Джальского пансиона. Его выпускницы были хорошо подготовленными учителями начальных школ, которые владели русским языком, а также современными методиками преподавания. С этого времени в большинстве двухклассных женских школ Общества сложилась новая и наиболее эффективная модель русско-арабского сотрудничества, при которой выпускницы Бейт-Джальского пансиона стали связующим звеном между русскими и арабскими учительницами и учениками. Вместе с тем успех профессиональной деятельности и взаимодействия педагогов зависел не только от знания русского и арабского языков, но и их личных качеств, способности адаптироваться к новым реалиям и друг к другу. Главная же его составляющая заключалась в проявлении сострадания, любви и терпения к арабским детям, в желании общими усилиями содействовать их благополучию и просвещению.

Библиография

Неопубликованные источники

- АВПРИ. Ф. 208 Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273. (Православное палестинское общество). 1882–1885.
- АВПРИ. Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 286. (Школы М. А. Черкасовой). 1906–1914.

- АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 362 (О Назаретской женской школе). 1885–1886.
- АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 368. (О Назаретской женской школе). 1895–1899.
- АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 371. (О Бет-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах общества). 1886.
- АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 374. (О Бет-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах общества). 1893–1894.
- АВПРИ Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 385. (О Бет-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах общества). 1912–1913.
- АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 393. (О Южно-Сирийских школах Общества). 1895–1896.
- АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 398. (О Южно-Сирийских школах общества). 1904.
- АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 409. (О Северо-Сирийских школах общества). 1897–1899.
- АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 416. (О Северо-Сирийских школах Общества). 1906–1907.
- АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 438. (Педагогические съезды учителей и выработка программ и инструкций для школ общества) 1888–1902.

Опубликованные источники

- Бейт-Джальская учительская семинария И. П. Палестинского общества в 1906–1908 гг. Из отчета начальницы Е. И. Голубевой. // СИППО. Т. 20. 1909. Вып. III. С. 432–441.
- Выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А. И. Якубовича от 28 июня, 5, 15, 26 августа, 1 сентября, 1 октября и 26 декабря 1891 г. // СИППО. 1892. № 2. С. 168–192.
- Дмитриевский А. А.* Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Машинописная копия без титульного листа, места и даты из АВПРИ ИДД МИД РФ. Публикатор Лисовой Н. Н. // Палестинское общество и русские школы на Востоке. / Под редакцией Лисового Н. Н. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2014.
- Извлечение из отчета председательствующего в отделении поддержания православия Н. М. Аничкова по осмотру им весной 1899 г. учебных заведений общества в Палестине и Сирии // СИППО. 1899 (Ноябрь–Декабрь). № 11–12. С. 656–691.
- Извлечения из писем М. С. Савельевой начальницы женской школы в Назарете. 23 января 1886 // СИППО. 1886. № 2. С. 14–20.
- Крымский А. Е.* Письма из Ливана (1896–1898). М.: Наука, 1975.
- Оде-Васильева К. В.* Взгляд в прошлое // Палестинский сборник. М.-Л.: Наука, 1965. Вып. 13 (76). С. 171–176.
- Отчет по Бет-Джальскому женскому пансиону за учебные 1890–92 гг. // СИППО. 1892 (Октябрь). С. 513–583.

- Отчеты по Бет-Джалльской школе для приходящих девочек за учебные 1890 / 92 годы. // СИППО. 1892. № 4. С. 405–457.
- Россия в Святой Земле: документы и материалы / сост., подготовка текста, вступ. статья и комм. Н. Н. Лисового. Т. 1. М., 2015; Т. 2. М., 2016, Т. 3. М., 2020.
- Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества во второй половине 1896–1897 учебного года. (Из отчета инспектора школ Общества А. И. Якубовича) // СИППО. 1897 (Октябрь). № 5. С. 514–552.
- Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества (из отчета директора народных училищ С.-Петербургской губернии В. А. Латышева по командировке в Палестину и Сирию в 1897 г.) // СИППО. 1897 (Июнь). № 3. С. 341–351.
- Учебные и врачебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета общества Н. М. Аничкова. Часть I. Учебные заведения Сирии и Иудеи. СПб.: Типография Киришбаума 1901; Часть II. Учебные и врачебные заведения Галилеи. СПб., 1910.

Литература

- Бутова Р. Б. Школа Е. Ф. Бодровой. К 150-летию русского учебного дела в Святой земле. URL: <https://www.ipro.ru/old/history/school/s/1/index.html>. (Дата обращения: 20.10.2021).
- Грушевой А. Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке: архивные материалы и статья. СПб.: Контраст. 2016. 285 с.
- Грушевой А. Г. Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22) С. 258–331.
- Кфури, Искандер. Русские школы Ливана // Русские в Ливане. Бейрут: Шамас. С. 19–26.
- Лагузова Н. А. Школьная деятельность Императорского православного палестинского общества в 1905–1914 гг. // Иерусалимский семинар. М., 2012. Вып. 3. С. 121–158.
- Федотов П. В. Галилейский учебный округ Императорского Православного Палестинского общества в 1892–1914-х гг.: русские сотрудники школьной инспекции // Былые годы. 2020. № 57 (3). С. 1309–1316.
- Федотов П. В. Кадровая политика Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке (1882–1914 гг.): Русские сотрудники учебных заведений // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2015. С. 102–108.
- Hopwood, Derek. The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Clarendon Press Oxford. 1969.
- Kildani, Hanna. Modern Christianity in the Holy Land / Translated by George Musleh. Bloomington. 2010.